

Alice Buan

Alina

Аисс Виал

Я не я

«Автор»

2019

Виал А.

Я не я / А. Виал — «Автор», 2019

Когда я, Джессика Паркенс, согласилась на поездку со своим женихом в отдаленный округ Шотландии, я и не подозревала, чем она для меня обернется... А странная находка в старинном замке - изменит мою судьбу... и перенесёт меня на сотни лет назад...

© Виал А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Книга «Я не я»	5
Пролог. Будь моей!	6
Глава 1. Двое в одном городе	8
Глава 2. Сюрприз	9
Глава 3. Находка	12
Глава 4. Маскарад безумцев	14
Глава 5. Иная реальность	17
Глава 6. Спасительница	20
Глава 7. Шаг в неизвестность	24
Глава 8. Ошибка небес	30
Глава 9. Раскаты судьбы	32
Глава 10. Дикий вереск	35
Глава 11. Крейгмиллар	37
Глава 12. Ричард	40
Глава 13. Бремя заклинания	44
Глава 14. Любопытство – великая вещь!	46
Глава 15. Вдовье проклятье	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Аисс Виал

Я не я

Книга «Я не я»

Автор: Аисс Виал

Цикл: «Неподвластные времени судьбы» (книги в цикле можно читать как самостоятельные произведения)

Книга № 1

Пролог. Будь моей!

Наши дни

Англия, Лондон

— Джесс, сколько можно торчать у прилавка! Давай быстрее, опоздаем на автобус, — торопил молодой человек свою спутницу.

— Погоди, Сэм, я хочу выбрать книгу в дорогу. Нам столько ехать! Чем ещё занять время, как не чтением? — Джессика и сама понимала, что тянет резину, но не могла устоять перед стеллажом с новинками.

— А как же я? Разве общение со мной — не самое приятное времяпрепровождение? — Сэмюэль Декер наигранно надул губы, но рука его уже собственнически легла на её талию.

— Не дуйся! Ты все равно всю дорогу будешь слушать рок в наушниках и шпилиться в свои игры в мобиле, — точно подметила Джессика. — К тому же я, кажется, нашла то, что искала! — обрадовалась она: в её руках красовался яркой обложкой очередной исторический роман.

Она поспешно оплатила покупку, чувствуя, как Сэм нетерпеливо переминается рядом.

— Снова роман! Взяла бы фантастику, что ли, почитала! Или ужастики! — не оценил он её выбора. — Ты вечно в этих романах или в своих переводах артефактных манускриптов. Как тебе только не надоедает вся эта историческая лабуда?! И не проще ли читать электронные? Что тебе дает это желание держать книгу в руках?

Джессика Паркенс лишь пожала плечами, не зная, что ответить. Ну как ему объяснить, что она живет стариной, прошлым столетий. Ей всегда хотелось почувствовать себя в роли леди, истинной аристократки. Как же им, леди, повезло жить во времена истого благородства и отваги мужчин. А современным девушкам досталось не завидная участь: лицезреть и терпеть самолюбование и полный эгоизм нынешних «самцов», иначе их даже никак не хотелось называть.

Джессика ещё раз взглянула на Сэма Декера. Ей повезло чуть больше, чем другим её современницам: в нем было чуть меньше самолюбования, эгоизма и иногда даже проявлялись проблески благородства (отваги ей пока не суждено было в нем заметить). Может быть, именно поэтому она все-таки решилась согласиться выйти за него замуж? Ей уже исполнилось двадцать три, и всё тяжелее становилось выслушивать подтрунивания подруг по поводу её «целомудрия», а главное — родителей, мечтающих о внуках.

Она вспомнила тот не совсем романтический вечер трёхнедельной давности, когда дала согласие Сэму на роспись.

— Джесс, сколько ты будешь меня мучить? Мы уже год знакомы! Про нас говорят невесть что, а твоё нижнее бельё, я так и не видел, — грубовато упрекнул её Сэмюэль. — Сколько ещё ты будешь меня стесняться?

— Сэм, я просила подождать... — снова попыталась увернуться Джессика.

— О, Джесс, хватит, прошу! Я знаю тебя лучше, чем ты сама себя. Это всё твоя философия о двух половинках, которые обречены найти друг друга и о том, что любовь должна быть единственной и навечно. Но жизнь сложнее. Пора проснуться.

— Не кривляйся, Сэм! — обиделась Джессика.

— Джесс, ты невероятная! Красивая, искренняя, честная, начитанная... Но в тебе есть единственный недостаток — ты мужененавистница!

— Сэм!

— Да-да! И не спорь! Но я намерен исправить твой недостаток! Я буду первым и, честно признаться, надеюсь единственным, на кого ты посмотришь уже в скором времени по-иному.

Раз по-другому нельзя добиться твоей любви, кроме, как через романтику, будем действовать именно так.

Вдруг он достал из кармана бархатную коробочку, легким движением открыл её, обнажая сияние обручального кольца. С наигранной торжественностью он опустился на одно колено и произнёс:

- Джессика Паркенс, будь моей навсегда! И в горести, и в радости, пока смерть не разлучит нас! – благодушно подшучивая над её романтической натурой своим выпадом, все же удивил её Декер. И это тот Декер, который не так давно всех своих друзей уверял, что никогда никакой «тёлки» не удастся его окрутить.

Глава 1. Двое в одном городе

Джессика Паркенс, увлечённая исследовательница археологических памятников, истории, геральдики¹, этнографии², палеографии³ и всего, что связано с жизнью людей давно минувших дней, делала неплохие успехи в карьере переводчика манускриптов.

Сэмюэля Декера она встретила благодаря подруге Беатрис — или, как Джессика любила её называть, Трикс. Это случилось в канун Рождества, в то сказочное время, когда католический мир сияет миллионами праздничных огней и радуется многовековому чуду — Рождению Христа.

Тогда Трикс снова сменила бойфренда и собиралась познакомить Джессику с новым избранником. «Сходка» — любимое выражение подруги — была назначена в одной из кафешек в центре Лондона. Новый парень Трикс, Стивен, пришёл не один, а с другом, Сэмом Декером. Может, это была случайность, может — договорённость между Трикс и Стивеном. Но знакомство Джесс с Сэмюэлем переросло сначала в тесную дружбу, затем в его ухаживания, а потом — в нечто большее, во всяком случае, со стороны Декера.

Джессика недоумевала, как она позволила так близко подпустить к себе Сэма. Сэм Декер был полной её противоположностью. Она — «заучка» с детства, он — «бизнесмен» со школьной скамьи. Джесс — спокойная, уравновешенная, не знавшая ни малейшего опыта в любовных делах (так, только «понаслышке»), Сэм — горячий, вспыльчивый, менявший интимные отношения, как перчатки. Что могло быть общего между ними?

И всё же в нём было немало достоинств. Сэм умел быстро находить выход из любых ситуаций, был лёгким на подъём, смелым в финансовых вопросах, предприимчивым. Веселым, задорным. Была в нем и ещё одна хорошая черта — он всегда выполнял обещанное.

Но с ним не всегда было просто. Особенно когда дело касалось интима, от которого Джессике пока удавалось уворачиваться с огромным трудом. Декер был абсолютно прав: она верила в любовь. Любовь истовую, с первого взгляда, да такую, чтобы раз и навсегда. Только её пугало то, что она не способна полюбить так. Что же в ней не так? Что не так в Сэмюэле? Разве он не красавчик? Разве не сексуален? Разве не доказал, что она нужна ему и желанна?

Сама Джессика Паркенс была далеко не супермодель. Маленького роста, смуглолицая, кареглазая брюнетка, избегающая косметики и современной моды. Её гардероб был забит удлиненными юбками и платьями, фасонами напоминающими аристократию прошлых веков. Сверхженственна — что правда, то правда. Но ни капли гламура, блеска или лоска. Как Сэм разглядел в ней свой идеал? Это было невдомек скромной Джессике.

И сейчас она все ещё сомневалась: правильный ли сделала выбор, согласившись стать его женой?

¹ Вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением гербов.

² Наука, изучающая состав, происхождение, расселение, культурно-исторические взаимоотношения народов мира, а также их материальную и духовную культуру, особенности быта.

³ Наука, изучающая историю письма, его графики, а также историю создания памятников древней письменности. Палеография славянских надписей. || Особенности письма и внешнего вида какой-л. рукописи.

Глава 2. Сюрприз

Сегодня им предстояло совершить поездку в шотландский округ Абердиншир на пару недель совместного отдыха. Сэмюэль задумал там нечто особенное — настоящий сюрприз, о котором Джессика пока не догадывалась.

Джессика настояла на путешествии автобусом, а не авто Декера. Так она надеялась, что при пассажирах ей будет легче держать Сэма на расстоянии.

Путь был долгим — около пятнадцати часов. За окном сменялись прекрасные пейзажи: Глазго, Перт, Данди, Абердин⁴.

Да, Шотландия открывалась Джессике во всей своей уникальности. «И почему её называют просто частью Великобритании?» — думала девушка. — «Это же настоящая страна!» Горный ландшафт с озёрами, в которых по легендам живут чудовища вроде Лох-несского. Море достопримечательностей, берущих начало в глубине веков. Своя столица — Эдинбург, большой и красивый город в окружении лесистых холмов у залива Ферг-оф-Форт...

Шотландия — это не просто земля. Это живая история, в которой ещё слышен звон мечей и голоса королей. Джессика с упоением зачитывалась о ней.

Она знала: по Шотландии разбросано почти три тысячи замков. Каждый хранит тайну, а иные — и легенды о привидениях.

И она догадывалась, что это путешествие станет для неё чем-то большим, чем просто поездка: древняя культура, суровая природа, мягкий климат и шумные праздники обещали приключение, которое она запомнит навсегда.

Несмотря на то что Джессика грезила «прикоснуться» к истории Шотландии, эта поездка была для неё первой. Всё из-за карьеры и непрерывной работы с древними рукописями. Поэтому она была искренне рада возможности увидеть всё своими глазами. Она решила: эта поездка станет последней страницей её сомнений. Вернувшись, она наденет обручальное кольцо Сэмюэля Декера.

Сам Сэмюэль светился от предвкушения. Весь путь он был рассеян — несвойственное ему состояние. На каждой остановке он уединялся для разговоров по телефону. Иногда его возмущение доходило до слуха Джессики, но разобрать причину негодования она не могла. Она привыкла к его деловой занятости и решила, что непредвиденные проблемы на фирме. Джессика не стала спрашивать — всё равно бы не ответил.

Конечная остановка встретила их около шести вечера. Джессика хотела послушать экскурсовода, но Сэмюэль не дал ей и рта раскрыть: он уже тащил её в сторону пешеходной тропы. «Мы прогуляемся, — объявил он. — До места «привала» недалеко». Вещи он велел отдать водителю, который ждал их с багажом уже полчаса.

Декер использовал свой телефон в качестве навигатора, чтобы отыскать короткий путь до упомянутого «привала».

Вечерело и холодало. Последняя декада октября — пора не из тёплых в здешних местах. Сэм накинул ей на плечи свою спортивную куртку.

— Я не замерзла, Сэм. Зачем?

— Не замерзла пока. Нам добираться около часа. Ещё почувствуешь холод.

— А ты? — побеспокоилась Джесс.

— Я намерен двигаться быстро, чтобы успеть дотащиться засветло. Это ты помешана на пейзажах, я не фанат глазеть по сторонам.

— Так ты из-за меня выбрал пеший путь?! Спасибо, Сэмюэль! Это действительно мило.

⁴ Города Шотландии

Но так как они двигались всю дорогу – полюбоваться красотами края не удалось и Джессике. Это было похоже на гонку за уходящим за горизонт солнцем, которое ещё виднелось впереди.

Когда молодые люди вышли на «финишную прямую», перед ними открылся чудесный вид на замок Данноттар. Он возвышался на утёсе восточного побережья Шотландии — словно сама природа создала эту скалу для того, чтобы Данноттар стал когда-то самой неприступной крепостью этого края. Подняться к нему можно было лишь двумя путями: через главные ворота, спрятанные в расселине, или по опасной тропе, петляющей сквозь пещеры к тайному входу.

Джессика на какое-то время замерла, разглядывая чудо архитектуры.

— Это и есть наш «привал», — гордо сказал Декер, не спуская с неё довольного взгляда.

— Сэм! Ты шутишь! – выдохнула Джессика.

— Ничуть, Джесс. Ты стоишь большего, поверь. Но это ещё не всё. Самый главный сюрприз впереди...

Он схватил её за руку и почти побежал по проселочной дороге к главному входу в расселине скалы, где их уже ждали.

Персонал замка встретил двух туристов в средневековых одеяниях. Старший из них объявил, что комнаты готовы, а празднество начнётся через час. Молодая служанка с двумя свечами в руках проводила гостей наверх. Одну свечу она дала Сэму, другую понесла сама.

Поднимаясь по витиеватым лестницам, Джессика тихо спросила:

— Сэм, о каком празднестве говорил тот человек?

— У них сегодня какой-то культурно-исторический праздник... впрочем, узнаешь все позже, — уклончиво ответил он.

Джессике ничего не оставалось, как любопытничать по сторонам, стараясь запомнить все детали средневекового интерьера. Когда ещё ей доведётся побывать в таком месте?

Наверху служанка указала на две соседствующие двери в восточном крыле.

— Ваши комнаты, — объявила она и, вручив Джессике свечу, быстро удалилась. Сэм, прежде чем Джессика скрылась за дверью, взял её за плечо и с настойчивой просьбой произнёс:

— Сделай мне приятное: надень то, что лежит на кровати, и через час спустись по по этой же лестнице в часовню. Я буду ждать тебя там. Оттуда мы пойдём на празднество. Обещаю: будет незабываемо.

Джессика так и сделала, но сначала вдоволь налюбовалась средневековым нарядом, бережно разложенным на кровати. Это было льняное приталенное платье цвета бордо с неглубоким вырезом. По краям выреза, подола и расклешённых рукавов виляла чёрная тесьма с затейливым узором. Поверх платья лежал набор украшений: скромный кулон на цепочке и с причудливым витиеватым узором серьги-подвески, усыпанные мелкими рубинами. Все было восхитительным, но почему-то Джессике понравились больше всего серьги.

Она покрутилась перед огромным зеркалом в хитросплетенной раме, приложив платье к себе. Но прежде чем надеть его, хотелось освежиться после долгой дороги. В зеркале она заметила в глубине комнаты нечто вроде лохани и рядом большой кувшин с водой. Какая удача! Или такие удобства полагались всем туристам?

Она ополоснулась тёплой водой, что была приготовлена для неё, и надела платье. Вместо замысловатой причёски распустила волосы — они упали на плечи мягкими волнами, и лишь у висков она заплела тонкие косички. Снова взглянула в зеркало, улыбнулась своему отражению и подумала, что в этом наряде любая девушка покажется красавицей. Её скромность не давала ей разглядеть своё естественное, совсем не кричащее очарование.

Привычки носить часы у неё не было, а телефон лежал в багаже. Джессика забеспокоилась: она не знала, сколько времени прошло с момента, как её оставили одну. Осмотрев

комнату, она не нашла часов и решила спуститься вниз — не мешкая, освещая путь свечой. «Лучше я подожду его в условленном месте!» — подумала Джесс.

Джессика торопливо спустилась в часовню в надежде застать Сэма. Но, к её разочарованию, там никого не было. Она прошла мимо алтаря, где лежали какие-то церковные предметы, и села на деревянную скамью у дальней стены.

Джессике и в голову не могло прийти, что Сэм затеял не шуточное представление, а самое настоящее венчание — вот в этой самой часовне.

Глава 3. Находка

Присаживаясь на скамью в ожидании Сэма, Джессика откинула волосы назад и вдруг зацепила тесьмой рукава серьгу — ту самую, что так понравилась ей накануне. Она упала на пол, звякнув о камень. «Ну вот, — вздохнула она, — только этого не хватало». Джессика нагнулась со свечой, пытаясь найти её на каменном полу. Она отодвинула скамью, надеясь, что пропаяжа обнаружится. Так и случилось: серьга лежала у самой стены, в том месте, где недоставало камня. В образовавшейся дыре, оплетённой многовековой паутиной, зияла чернота. Джессика поставила свечу на пол, чтобы дотянуться до драгоценности, и вдруг заметила в стенной бреши яркий отблеск. Джессика замерла на мгновение, а потом, преодолев страх, сунула руку в отверстие. Пальцы нащупали что-то твёрдое, прямоугольное.

Из отверстия Джесс с трудом извлекла увесистый фолиант в кожаном переплёте. На нём поблёскивали драгоценные камни. Пыль оседала на пальцах, застёжка едва держалась. «Вот это находка!» - забило в груди.

Джессика аккуратно сдула пыль с поверхности манускрипта, приблизилась к свече и открыла её. Вдруг ей показалось, что кто-то беззвучно открыл массивную дубовую дверь часовни: её коснулся странный вихрь. «Кто-то вошел? Или сквозняк?» — насторожилась Джесс.

– Сэмюэль, это ты? – тихо спросила Джесс. Ответа не последовало. «Почудилось!» — решила Джесс и вновь обратилась к книге. – «Вот это удача!Arteфакт! Это будет моя реликвия. Утаю и никому не покажу, пока не изучу все её тайны!»

Джессика не удержалась и заглянула в титульный лист. Изумлению её не было предела: книга выглядела древней, с красивым рукописным шрифтом, но была написана на современном английском! На первой странице значилось:

Древние заклинания «Κληρονομία του Χρόνου» («Наследие Хроноса⁵»)

Охваченная любопытством, Джессика перевернула страницу и увидела нечто похожее на оглавление — уже на незнакомом языке. Тогда она наугад раскрыла книгу где-то в середине и прочла выделенную красным надпись — снова на английском, с ленцой пропуская отдельные слова. Она торопилась: скоро она будет не одна.

Заклинание «Неподвластные времени судьбы»:

Если любовь устала ждать: время не лечит, время учит быть сильнее... и время меняет все...

Береги то, что стало дорого...

И вновь по телу Джессики пробежался легкий ветерок — как при первом раскрытии книги. Она вдруг заволновалась, сердце забило по-особенному, и... Паркенс действительно услышала чьи-то шаги. Джессика поспешно спрятала загадочную книгу в исходное место, задвинула скамью, чтобы снова скрыть тайник, и села, как ни в чём не бывало.

Перед ней, тяжело дыша от быстрого шага, остановился ряженный — в рыцарских доспехах, с мечом на боку... В общем все как полагается! Видимо, праздник начался. Джессика с любопытством разглядывала его: мускулистый мужчина лет тридцати, с горящим факелом в руке, чёрными, как смола, волосами до плеч. Симпатичный, с хорошо наложенным гримом: на левой щеке темнел шрам, на доспехах и на скулах алели свежие пятна, напоминающие кровь. Создавалось полное впечатление, что он только что сошёл с поля брани, и Джессика невольно залюбовалась качеством работы гримёра. Он тоже рассматривал её. Паркенс почувствовала неловкость — может, она все-таки не вовремя зашла в часовню, и здесь ещё какое-то мероприятие запланировано?

⁵ Хронос (др.-греч. Χρόνος, «время») — божество в древнегреческой мифологии и теокосмогонии.

Голос ряженого прервал её мысли. Она не сразу осознала, что он говорит на средневековом языке — том самом, который она знала по переводам манускриптов:

— Вижу, леди Равенна, вы решили не сопротивляться больше судьбе. Что ж, так даже лучше. Замок захвачен. Ваш отец и брат не проявили благоразумия — не согласились сдать оружие вовремя. Они убиты моими людьми. Они сами выбрали свой удел. Я обещаю захоронить их с честью воина, храбро защищавшего свои земли и вас. Я уже отдал такой приказ.

Джессика с трудом улавливала смысл сказанного — ей мешала мысль: «Как же актёр хорошо играет свою роль! Только, похоже, он что-то перепутал или начал слишком рано». Где же Сэмюэль? Он бы быстро исправил создавшееся глупое положение.

Ряженный, не мешкая, продолжил в том же духе:

— Признаться, я ожидал увидеть вас оплакивающую своих родных и людей, преданно отдавших за вас жизнь! Вы столь же прекрасны, сколь черствы. Ни единой слезы, ни единого упрека. Вы с невозмутимым видом ожидаете своей участи здесь, спокойно сидя на скамье. Я представлял вас другой. Но, как вы уже догадались, я не из тех, кто идет против воли сюзерена: вы станете моей женой, во что бы то ни стало, как бы это ни было вам и мне не в радость!

Джессика не выдержала и стала мило улыбаться «актеру», намекая, что оценила его игру.

— Как прикажете расценивать вашу улыбку? Как вызов или как временное помешательство от горя утраты? — не дожидаясь ответа, он вдруг вспыхнул: — Поднимайтесь! Я объявлю всем, кто сейчас в замке, что вы, как и я, подчинились приказу короля стать моей женой. Затем я, так уж и быть, сжалюсь и провожу вас в ваши покои, чтобы вы могли немного отдохнуть и прийти в себя.

Джессика, конечно, не двинулась с места, но стала с беспокойством всматриваться во входную дверь часовни, разыскивая взглядом Сэмюэля.

— Не ждите ни от кого помощи. Это бесполезно. Вам не удастся меня провести и сбежать.

Он властно схватил Паркенс за руку выше кисти и поволок из часовни.

— Эй, вы делаете мне больно! Вы переигрываете, «мистер», или как там вас, «рыцарь»! — серьезно возмутилась Джесс, выпалив это на современном английском.

«Рыцарь» приостановился и, вскинув удивлённые брови, ответил все тем же средневековым:

— Я знал о ваших способностях в науках, но прошу изъясняться понятным мне языком, если не хотите навлечь на свою голову мой гнев.

И снова потащил её темными коридорами, крепко сжимая руку.

«А может, это сумасшедший?» — подумала Джессика. — «Какой-то свихнувшийся ученый, помешанный на средневековье, как и я? Пробрался в замок и буйствует?»

— Прекратите! — не выдержали нервы Джессики, и она сама не заметила, как выкрикнула это на средневековом наречии.

Сумасшедший и в ус не дул — все тянул её к какому-то широкому балкону.

Джессика, все больше волнуясь и не стесняясь своего подползающего страха, закричала на современном:

- Сэмюэль! Где ты? Сэ-э-э-м! Или кто-нибудь, помогите!

Когда его сильная рука втащила её на каменный балкон, выходящий во двор замка, Джессика обомлела: таких «сумасшедших» было открыто её взору пруд пруди. Актёры и актрисы, словно рой пчел, исполняли свои роли, словно какой-то невидимый ею режиссер снимал голливудского масштаба фильм. Были раненые, убитые, спасающиеся жители замка от «завоевателей» — и женщины, и дети, и старики. Слышны были стоны, жалобный вой и крики о помощи. Как же она не слышала всего этого раньше?

Глава 4. Маскарад безумцев

Вот это так празднество! Она ещё припомнит Сэмюэлю этот спектакль!

Вдруг самый главный «сумасшедший», перехватив руку Джесс чуть выше локтя, пробасил во всеуслышание:

— Жители Данноттара и мои преданные воины! Леди Равенна согласилась пойти со мной, Дунканом Маккоулом, к алтарю! Отныне эти земли и люди будут полностью подвластны мне! Тем, кто добровольно прекратит сопротивление, я дарую милость и возможность проявить себя в качестве моих подданных.

Джессика смотрела на все это действо «обалдевшими» глазами. Может, это она свихнулась? Или попросту это сон, уставшей с дороги и получившей массу впечатлений от поездки в Шотландию? Сейчас она, вероятно, проснется и будет смеяться с Сэмом над её фантазийным сновидением! Только уж больно оно реальное какое-то — она всё так чётко чувствует и слышит!

Этот «Дункан Маккоул», не отпуская плеча Джессики, развернул её лицом к себе. Передал факел подбежавшему минутой раньше воину, видать, из «своих» по сценарию, и, поднимая подбородок Паркенс выше, чтобы приравнять их взоры (так как по сравнению с ней он казался просто «верзилой») угрожающе отчеканил, не изменяя своей роли:

— Советую не предпринимать, леди Равенна, никаких попыток к бегству, иначе я не ручаюсь за себя! Не будите во мне зверя! Я и так себя еле сдерживаю: ваше упорство подчиниться сразу предначертанной судьбе лишило жизни многих моих славных воинов. Вы ещё ответите мне за это! — при последних словах «Дункан Маккоул» немного плотнее придвинул хрупкую Джесс к себе. — Сейчас мой верный слуга проводит вас в ваши покои, — слово «верный» он подчеркнул, чтобы у «леди Равенны» не возникло никаких помыслов подкупить его человека.

Маккоул сделал жест рукой воину, указывающий на неукоснительное исполнение его только что озвученного желания по поводу девушки. Тот воин-слуга поспешно кинулся его исполнять.

Джессика, все ещё ошарашенная происходящим, решила не спорить с «боссом» этой кинематографической сцены, а попытать счастья с его верным слугой по дороге в «свои» покои. Может быть, он ей объяснит, что здесь, черт возьми, творится? Поэтому она покорно последовала с новым актёром.

Едва скрывшись с глаз Дункана Маккоула, Джесс поторопилась задать вопросы на современном английском провожатому. Не услышав ничего в ответ, она решила прибегнуть к способу общения средневековья — авось повезёт?

— Миленький воин! — иронизируя, подластилась Паркенс. — Что здесь происходит? И где, скажите на милость, Сэмюэль?

Воин, не останавливаясь, также ответил на средневековым:

— Кто такой Сэмюэль? Ваш слуга, страж, любовник? А впрочем, мне всё равно! Попробуйте задать этот вопрос Дункану, если осмелитесь. Ох, и натворили же вы делов! Вам теперь и расхлёбывать. Его лучший соратник в боях и просто друг ранен при осаде вашего замка. Молитесь, чтобы рана не оказалась смертельной! Это мой вам личный совет, леди Равенна! — ответил воин.

Пока он говорил, Джесс заметила, что становилось всё труднее переносить исходящий от него тяжёлый, металлический запах — смесь пота, старого железа и... крови. Джессика задержала дыхание. «Просто спектакль, — сказала она себе. — Им нужен реализм». Но, когда её рука коснулась его окровавленных доспехов, она, сама не зная зачем, поднесла пальцы к губам и лизнула алое пятно. На языке остался настоящий привкус крови.

«О нет! Так и есть: я просто схожу с ума!» — подумала Паркенс и безвольно шагнула в комнату, что по праву туристки теперь принадлежала ей. За ней захлопнулась дверь, оставляя за пределами порога провожатого. Снаружи послышался звук закрывающегося засова деревянной двери. Теперь она ещё и пленница!

Осматривая усталыми глазами слабоосвещённую от горящего камина комнату, Джессика обратила внимание, что интерьер комнаты несколько изменён: мебель практически та же, только другие ткани постельного белья, покрывала и балдахина кровати. Мелкие убранные комнаты тоже были иными. А на постели уже отсутствовала её современная одежда.

«Как же можно было за такое короткое время всё переменить здесь?»

Джессика почувствовала, что нервы её были совсем уже на пределе. Она резко взметнулась к двери и начала барабанить кулаками по ней, выкрикивая непрерывно:

— Эй, откройте! Достаточно уже! Я хочу покинуть замок! Сэмюэль! Ты слышишь? Я хочу домой! Назад в Англию! Сэмюэль, если ты сейчас же не прекратишь свои дурацкие «сюрпризы», я никогда больше с тобой не заговорю. И не выйду за тебя замуж! Сэ-э-мюэль! Мне страшно!

Ещё с минуту она молотила в дверь руками. Затем привалилась к ней спиной и, уставшая, съехала от чувства безысходности почти до самого пола. Так она просидела в растерянности около пятнадцати минут. Что только девушка не передумала за это время! Каких только гипотез не строила! Воспоминания и страхи навязчиво лезли в голову. Потом её вдруг начало трясти то ли от стресса, то ли от пронизывающего холода каменного пола средневекового строения. Еле держась на ногах, она доплелась до массивной кровати с плотным пологом и забилась прямо в платье под одеяло. Зубы её непрерывно стучали. Это подступала к напуганному необъяснимым рассудку спасительная лихорадка.

Около двух часов её знобило и ломало в полном одиночестве. Следом ей мерещилось, что в комнате было поочерёдно достаточно много ряженных: прислуг, женщин и мужчин, воинов. Среди них часто мелькало лицо незабываемого Дункана Маккоула. Даже в бреду его загадочный образ не оставляет её! Только взгляд его был несколько другим в видениях: не грозным и свирепым, а перепуганным и мягким, излучающим сочувствие и жалость к ней.

Во время этих галлюцинаций её мозг рисовал смысл отрывков мнимых бесед Маккоула с присутствующими в её комнате. Сначала с первой появившейся молоденькой служанкой:

— Я прикажу тебя высечь на глазах у всех, дрянная девчонка! Сколько ты будешь твердить, что больная леди не является леди Равенной? Решила спасти свою госпожу таким образом, надеясь ввести меня и моих людей в заблуждение? А как же другие обитатели замка? Они готовы тебя поддержать в твоей лжи?

Затем с истерзанным и окровавленным воином, связанным по рукам и ногам:

— Кто эта леди, Седрик?

— Я не знаю, Дункан! — отрешённо выдохнул израненный пленный.

— Не зли меня, парень! Твоя жизнь весит на волоске! И только я могу её сохранить тебе. Ну же, признайся! Кто она?

— Я же сказал, не знаю! — упрямо отвечал невольник.

— Уведите его и запирайте в темнице без воды и еды до тех пор, пока не сознается! — скомандовал взбешённый Маккоул.

Затем с каким-то худощавым старичком-монахом:

— Чем ты можешь ей помочь, Иэгэн?

— Всё в руках Господа Бога, Дункан! Разве тебе не ненавистен этот вынужденный брак с ней, Маккоул? Что-то я тебя не пойму! — неподдельно удивился монах.

— Я задал тебе вопрос, Иэгэн? — сквозь зубы процедил Дункан.

— Если причина лихорадки девушки — пережитое потрясение, думаю, я с лёгкостью смогу ей помочь, но если вмешались силы небесные... — он не договорил, намекая на ясность своих мыслей.

— Ты вернёшь её к жизни любым способом, старик! У тебя в запасе есть три дня. Король Шотландии ждёт моей помощи у границ, в Джедборо. К моему отъезду она должна быть на ногах и носить имя Маккоул! Донован достанет тебе все необходимое! Действуй, Иэгэн!

Впоследствии этот Иэгэн, словно колдун, долго вился над Джессикой, вливая в неё целебные снадобья.

Больше Джессика не видела никаких «картин» своего воображения, вскорости она забылась чудодейственным сном.

Глава 5. Иная реальность

Через два с половиной дня Джессика снова открыла глаза. Она долго соображала, где находится и почему в помещении так мрачно.

Оглядевшись, девушка начала что-то припоминать: она в Шотландии с Сэмюэлем в туристической поездке. Сейчас она в арендованном Декером замке. Прошлым вечером они благополучно добрались до него. Её ждал сюрприз, уготованный Сэмом, но она, уставшая с дороги, крепко заснула. Очевидно, Сэм будет дуться на неё! Но что она может поделать? Разве её вина в том, что дальняя дорога вымотала путницу? Видать, она сильно выбилась из сил, потому что спала беспробудно и видела кучу ярких сновидений.

Джесс встала с кровати, удивляясь, что на ней незнакомая ей странного покроя белоснежная ночная сорочка. Осмотрев себя в зеркале, она пришла в неподдельный ужас! Опухшие глаза, волосы слипшиеся, спутанные, словно их не мыли неделю.

Девушка покрутила головой в поисках возможности совершить утренний туалет, чтобы поскорее исправить свой жалкий вид. Но огромный кувшин с водой, из которого она накануне вечером принимала «душ», был наполовину пуст. Вода оказалась ледяной. «М-да, этого едва хватит, чтобы умыться!».

Приведя себя в более-менее приемлемый вид с помощью этого скудного количества воды, Джессика теперь мечтала о двух вещах: хорошо вымыть волосы и перекусить. У неё было такое ощущение, что она ничего не ела уже неделю.

На массивном готическом сундуке на ножках, соседствующем возле резного дубового шкафа, лежало средневековое бархатное платье василькового цвета. Джессика с трудом облачилась в него, и сидел он на ней совсем не идеально (хотя размер был подобран мастерски). И все потому, что шнуровка по всей высоте спины оказалась ей не по зубам. Почему Сэм до сих пор не прислал её личные вещи? Или такие условия в этом туре проживания в замке? Выход один – прибегнуть к чьей-то помощи.

Джессика бесшумно вышла в коридор замка, освещенный лишь несколькими настенными канделябрами. Несмотря на то что было уже далеко не раннее утро, сюда дневной свет не проникал из-за отсутствия окон. Вообще всё строение замка было тёмным. Даже те окна, что были в комнате Джессике, или в любых других, также давали мало света, потому что были настолько узкими, что больше походили на бойницы.

Джессика помнила, что соседняя комната принадлежала Сэмюэлю. Она тихонько постучалась в его дверь, но никто не ответил. Тогда Джессика решилась войти без приглашения. Девушка осторожно приоткрыла арочную дверь, ещё раз тихо окликнула Декера. Снова тишина. Джесс вошла в комнату и не увидела никаких следов пребывания Сэма. Она хорошо знала его натуру: где бы он ни был – разбросанные вещи по комнате, обязательное наличие в комнате какой-нибудь «жратвы», типа бургеров, чипсов и пепси, и, в противовес всему, спортивный инвентарь – таков его привычный стиль жизни. А здесь не просто отсутствовала его привычная обстановка, но и не было видно ни единой вещи, напоминающей о нём. Зато комната привлекла внимание своим впечатляющим размером и убранством. Обыденная меблировка средневековья, только вдвойне роскошнее, с рядами заполненных под завязку книжных полок, пришедшихся так по душе вошедшей Паркенс. На стенах висели красивые гобелены с батальными сценами, выше них в одном месте – геральдические щиты. Рядом специальное деревянное сооружение – подставка для хранения трофейных и диковинных рыцарских мечей. С остальных стен на гостью смотрели грустные глаза чучел животных: различной дичи, голов лося, оленя, козла и даже медведя. Жалкое зрелище. «Средневековый хозяин этой комнаты, явно, был холостым! — подумала Паркенс. — Разве назовешь эту комнату супружеской

спальной? Хотя кровать в комнате может позволить себе разместить не двух спящих, а целую дюжину! Как Сэм здесь спал всю эту ночь?»

Джессика, несмотря на то что ей не терпелось познакомиться с библиотекой хозяина комнаты, всё же с не меньшим любопытством в первую очередь подошла к рыцарским мечам. Она с огромным трудом двумя руками вынула самый скромный в размерах меч. И тут же чуть не выронила его из рук, услышав за спиной знакомый голос из сегодняшнего сновидения:

— Леди Равенна! Весьма рад, что вы снова на ногах! Не знал, что вы ещё владеете и воинским искусством!

Джессика не спеша развернулась и увидела всё того же Дункана Маккоула. Ноги её предательски подкосились, меч выпал из рук, и она медленно стала оседать к полу, лишаясь последнего проблеска ещё не окрепшего после болезни сознания.

Сильные руки не позволили ей упасть окончательно. Дункан вовремя подхватил её на руки и бережно уложил на кровать комнаты. Он некоторое время рассматривал Джесс. Погодя слегка хлопнул её по щеке, затем — по другой.

Паркенс нехотя приоткрыла глаза и, снова испугавшись наклонённого над ней торса Маккоула, предприняла попытку взобраться выше на подушки. Дункан властно удержал её за плечи:

— При первой нашей встрече вы вели себя более хладнокровно! Куда подевалась ваша спесь? — иронизировал рыцарь при виде её поведения затравленного зверька. — Вам не понравилось, что я вторгся в ваш замок и занял покои вашего покойного брата Арчибалда, отлично напоминающие мне свои собственные в Эдинбурге, хотя сами в этом виноваты? И вы решили меня убить его же мечом при следующей нашей встрече? — указал он подбородком на меч, что несколькими минутами раньше выронила девушка и который теперь покоился на полу.

Джесс, растерянная, моргала глазами. «Значит, это был не яркий сон! Это всё явь! Кто же мне объяснит мою роль во всём происходящем? И как долго это будет все продолжаться? Что за игру затеял Сэмюэль? Так это и есть его сюрприз?! Сколько, должно быть, денег он потратил на такую реалистичность! Но где же он сам? Стоп! А как же моя лихорадка? Я ведь могла свихнуться или умереть! Не мог же Сэм так зло шутить со мной, рискуя моим здоровьем и жизнью! Как объяснить всё это? И неужели все остальные участники этого шоу не понимают опасность таких действий для рассудка нормального человека, не ведающего изначально о его организации и правилах? Я сейчас же выскажу этому актеришке всё, что я о них с Декером думаю. И пошлю всех к чёрту! Уйду пешком, если надо, без вещей к ближайшей автобусной станции!»

Девушка, набравшись смелости, выпалила почти в гневе на современном английском, бессмысленно вырываясь из рыцарской цепкой хватки:

— Послушайте, Дункан! Или как там ваше настоящее имя? Я устала от вашего сценария! Хочу спокойного отдыха, увидеть как-никак знакомое мне лицо Сэма, и, в конце концов, просто поесть! Перестаньте все издеваться надо мной! Иначе я просто уйду из замка! Слышишь меня, Сэмюэль? Ау! Уйду из замка! — ещё громче выкрикнула последние слова Джесс, в надежде, что Декер услышит её.

«Актеришка» ловко закрыл ей ладонью рот, чтобы не дать кричать дальше, и с невозможным видом изрёк всё тем же древним языком:

— Вы думаете, леди Равенна, ваше нежелание говорить со мной на шотландском решит все ваши проблемы? Да я не силен в языках и, кроме английского, германского и французского не знаю наречий. Но в других науках смогу потягаться с вами! Я видел вашу личную библиотеку книг, схороненную в вашей комнате от посторонних глаз. Весьма недурна! Ваш отец баловал вас! Посмотрим, достойны ли вы будете такого же внимания с моей стороны, когда станете моей женой!

«Вот, чокнутый! Он вообще понимает меня? Или он действительно иностранец и не знает английского? — лихорадочно соображала Джессика, оправдывая игру актёра. — Хорошо, попробую ещё раз на понятном ему языке!»

И она дала ему понять своим вынужденным мычанием и жестом, что хочет говорить, но уже спокойно.

Она повторила почти всё то же самое Дункану, с разницей лишь в отсутствии упоминания имени Сэмюэля.

Маккоул с минуту помолчал, затем пристально посмотрел ей в глаза и спокойно спросил:

— Я говорил, что меня не так просто обвести вокруг пальца. В первый раз я различил в вашей тираде иностранных слов имя Сэмюэль, неоднократно упоминаемое вами ещё вчера. Кто он? Я сделал переключку всех жителей замка, с таким именем не оказалось обитателя вашей крепости. И неужели вы думаете, что я позволю вам так просто покинуть замок, в который я с таким трудом пробрался, чтобы выполнить волю короля? Напоминаю: короля — не мою!

Он сделал паузу, чтобы дать ей возможность ответить. Но ничего не услышал в ответ — да и как могла что-то ответить Паркенс, если суть его слов вводила её в ещё большее помутнение рассудка: Сэма здесь нет, и он не знает, кто он вообще такой!

Тогда Дункан продолжил:

— Я изначально, когда решил подчиниться судьбе, хотел совершить с вами сделку: вступить с вами в брак на виду у знати, чтобы доставить удовольствие сюзерену, и после рождения наследника древнего рода Маккоул тайно от свиты короля предоставить вам полную свободу. Но вы нарушили все мои планы! Я зол! Вы подвергли смертельным испытаниям моих преданных людей, из-за вашего упрямства погибли ваш отец и брат — подданные короля! Именно в тот момент, когда он остро нуждается в любой поддержке вассалов у границ Шотландии и каждый воин на счету!

Он произносил эти слова с неподдельным жаром истого патриота своей страны.

Джессика смутилась, в её глазах снова появились страх и неловкость от её невероятного положения.

Маккоул вдруг почему-то сжалился над девушкой:

— Я помню, что вы голодны; и уверен: желаете искупаться после затяжной болезни. Слуги позаботятся о вас сейчас же, при условии, что вы дадите мне слово, что не будете предпринимать попыток к бегству из своей комнаты. Иначе вы станете моей наложницей или пленницей до конца своих дней, вместо чести стать моей женой! А мой род древнее вашего! Выбор за вами! Ну?! — встряхнул её «безумец».

Джессика согласно кивнула головой, всё ещё не откидывая мысли, что перед ней, возможно, попросту сумасшедший.

Дункан привстал с кровати, направился к выходу из комнаты и позвал кого-то из слуг. Тут же появились полноватая служанка и сухопарый мальчишка. Они внимательно выслушали приказание своего нового господина и поспешно кинулись исполнять его.

Джессика остаток утра и дня чувствовала себя безмолвной марионеткой, которую кормили непривычными ей, но вкусными яствами, купали в ароматных маслах, наряжали в великолепные одеяния, украшали полудрагоценными побрякушками и оберегами. Уже под вечер к ней заглянула молоденькая служанка, голос которой ей показался знакомым. Не его ли она слышала, когда была в бреду от болезни? «Не она ли уверяла Дункана, что я — это не я?» — всплыл вопрос в голове Джессики Паркенс.

Глава 6. Спасительница

Джесс заметила, что появившаяся служанка очень молчаливой и словно нарочно избегала с ней беседы. Но так было, пока они не остались одни. Как только дверь полностью закрылась за последней пухленькой служанкой по имени Гленна, молоденькая горничная неожиданно кинулась Джессике в ноги в слезах радости и непрерывном лобызании рук Паркенс.

– Леди! Не знаю вашего настоящего имени... Благодарю вас, что согласились спасти леди Равенну, мою госпожу, от ненавистного ей брака! Я буду век вам благодарна и буду в верном услужении, пока вы не прогоните меня сами! Только скажите, где она сейчас, всё ли с ней в порядке? – молила её с явным беспокойством преданная служанка.

Джессика дивилась её искренней признательности. Но что ей ответить? Что она ещё в прострации от всего происходящего? И что в скором времени окончательно сойдет с ума, если окружающие этого, теперь ей казалось, зловещего, а не прекрасного замка, не перестанут её мучить своим энигматичным⁶ поведением!

Джессика молчала.

– Вы боитесь, что нас могут подслушать? Вы правы! Я не подумала об этом! – в ужасе прикрыла рот рукой прислужница, неверно истолковывая её молчание и слегка отстраняясь от Джессики.

Паркенс помогла ей встать с колен и ласково обратилась к горничной:

– Как твое имя?

– Нормина, госпожа!

– Кто в замке главный? Ты можешь мне устроить с ним встречу?

Нормина удивлённо взглянула на Джесс. Если бы Джессика могла читать все тонкости мыслей по выражению лиц, то могла бы прочесть следующее на обличье Нормины: «Разве вы не знаете, что Дункан Маккоул захватил замок и властвует теперь фамильными владениями Гордонов, то есть теперь вашими – загадочной благотельницы? Может, вы как спасительница-чужестранка, ломаный говор которой красноречиво выдаёт вас, чего-то недопонимаете в цепочке событий? Как только Маккоул не поверил словам обитателей крепости, что это не вы, леди Равенна?»

Но, понятное дело, Паркенс не была чародейкою и увидела лишь недоумение на лице служанки.

– Вы хотите видеть Дункана Маккоула? Ведь тут теперь он хозяйничает, – робко уточнила Нормина.

Джессика отрицательно завертела головой. Ну, уж нет!

– Тогда я не понимаю вас, госпожа!

Джессика собиралась с мыслями. Ей надо покинуть замок как можно быстрее. Со всей этой историей она разберется позже, когда будет сидеть в кругу родных и близких. Сейчас она знала лишь одно – в Лондоне Сэмюэля ждет серьезный с ней разговор!

Вдруг Джессике пришла в голову мысль: «Вряд ли в замке идёт всё только по конкретному сценарию. Разве можно предугадать мои действия? Что если я всё-таки попытаюсь выбраться из территории замка, ну хоть с помощью этой девушки, Нормины? А там – свобода! Беги, куда глаза глядят! И разбирайся в привычной для себя обстановке с Декером вволю!»

Джессика Паркенс ласково взяла руку Нормины и полупшепотом, всё-таки опасаясь подслушиваний, обратилась к горничной:

⁶ загадочный, таинственный, непонятный

– Помоги мне бежать отсюда! Я помогла тебе с госпожой, – Джесс было неловко говорить то, чего она не делала на самом деле (даже если это ролевая игра, но хитроумная и с не известными ей правилами), – а ты теперь помоги мне. Мне бы только выбраться из замка...

– Вы режете меня без ножа, госпожа! Но я помню, что дала вам слово в порыве благодарности: быть отныне преданной вам так же, как до этого леди Равенне! Я согласна вам помочь, даже рискуя собой!

Джесс с жаром пожала прислуге руку, выражая тем самым радость и признательность.

– Я подумаю, как это можно будет сделать в ближайшие день-два. – Увидев опускающиеся уголки губ новой госпожи, Нормина поспешила оправдаться: – Поймите, я не могу справиться с этим быстрее. Маккоул не доверяет мне, как личной горничной хозяйки замка. Я с самого начала совершила глупость: пытаюсь открыть ему глаза на то, что вы не та, за кого себя выдаёте. Благо он мне не поверил, как и многим другим. Затем между нашими людьми пошла болтовня, что вы – наша спасительница, которая согласилась играть роль леди Равенны. Я рада, что вашему чудесному появлению нашлось объяснение! А сейчас прошу вас всё то время, пока я буду готовить ваш побег, подыграть мне: сделайте вид, что вы смирились со своим положением.

– Что ж! Видать, другого выбора у меня нет! Только не бросай меня надолго без вестей, пожалуйста! Неужели я буду скоро освобождена от этого всеобщего безумства?! – Джесс, радуясь, как ребенок, обещанию служанке ей помочь, закрыжала последнюю по комнате, заливаясь тихим счастливым смехом.

В этот момент в комнату вошёл сам Дункан Маккоул.

– Вижу: вы в добром расположении духа! Вам идёт эта улыбка! – заметил Маккоул. – Я тоже сегодня весел: мой друг и соратник по оружию смог преодолеть тяготы тяжелого ранения и сейчас почти твёрдо стоит на ногах. Хочу представить вас друг другу и настоятельно прошу спуститься вас со мной в главный зал для небольшого пиршества, – несмотря на то что тон, которым это было сказано, не терпел возражений, Дункан учтиво поклонился, пытаясь всё же расположить Джесс к себе, и протянул ей руку.

Джессика не стала слишком мешкать. Что она, в конце концов, потеряет, если окунётся на эти пару дней в атмосферу Средневековья. Не она ли всегда мечтала в грёзах побыть хоть на миг истинной леди! Будь, что будет!

Ладонь Паркенс осторожно коснулась огромной руки Дункана Маккоула.

Джессика, как и многие обитатели крепости, полностью поддалась чарам Дункана Маккоула. Он был воплощением той редкостной харизмы, что подчиняет себе людей без единого слова. Он безупречно играл в своём амплуа, его подданные вели себя с ним запросто и в то же время раболепно, к его слову прислушивались, с его мнением считались. Джессику он в этот вечер представил всем своим соратникам как леди Равенну – свою невесту. В его голосе неслышно было никаких ноток ни сожаления, ни радости. Словно он забыл в этом месте свою роль по отношению к ней.

Один из его союзников показался ей очень симпатичным и приятным в общении. Он не выказывал абсолютно никакой антипатии к невесте Дункана, несмотря на то что она невольно явилась причиной его недавнего несчастья. «Вероятно, какая-то недоработка в сценарии или актёры не до конца согласовали свои роли», — пришло ей в голову. Его торс имел широкую перевязку, которую обычно носят после ранения. Это был Морай Локсли — друг и соратник Дункана, о котором говорил Донован, тот самый угрюмый воин, что вёл её как пленницу в покои. Тогда он предупреждал: его рана серьёзная, быть может, смертельная. «Видимо, боги Шотландии были милостивы в этом сценарии», — отметила Джесс.

Морай Локсли всё застолье ловко вёл с Джесс беседу, начав её с подкупающего комплимента:

– Увидев ваши дивные и проникновенные глаза, теперь я понимаю, почему Дункан Маккоул так быстро переменял свое отношение к вашему неизбежному бракосочетанию. Смотрю, сейчас мысль о браке с вами не кажется ему столь невыносимой. Совсем напротив...

– Локсли, твоё счастье, что леди Равенна ещё не супруга мне. Сегодня я позволю тебе некоторые вольности по отношению к ней. Только не переги палку, дружище. Завтра такой возможности у тебя уже не будет. Завтра, в этот же час, ты будешь желать семейного счастья новоиспечённой новобрачной – Равенне Маккоул.

«Равенна» в этот момент поперхнулась напитком со своего бокала. Дункан, как ни в чем не бывало, постукал Морая по плечу, подсказывая окружающим, что беззлобно подшучивает над другом. На самом деле его глаза светились радостью от того, что Локсли уже на ногах и может расточать комплименты дамам. Пусть даже сегодня среди присутствующих гостей такая дама была всего лишь одна и к тому же его невеста!

Младший же брат Дункана – Ричард Маккоул, напротив, отталкивал Паркенс своим нахальством, высокомерностью, грубостью и смутьянством, хотя внешность имел безупречную. Его лицо, в отличие от лиц других воинов, не имело пока шрамов и ссадин и отчасти имело девичью красоту. В этот вечер она не раз слышала, как его за глаза так и называли «Красавчик». Видно было, он имел своих ярких приверженцев, часто выражающих своё недовольство по поводу и без действий Маккоула-старшего. Дункан терпеливо сносил его выходки, как кровный старший брат, и многое спускал ему с рук. Однако умел, как никто другой, в нужное время лишь одним взглядом напомнить Ричарду своё место, пресекая дальнейшие пересуды.

На пиршестве Джесс была немного скованна, потому что чувствовала на себе сотни любопытных взглядов со всех сторон. К тому же в зале, что она не сразу заметила, не было ни единой женской фигуры, за исключением прислуги, которая быстро исчезала из виду господ, закончив выполнять свои обязанности в угоду гостям.

Люди Дункана много говорили о ратных подвигах соратников, союзников-иностранцев и самого короля. Только вся эта болтовня сопровождалась шутками, подтруниваниями и часто бахвальством, наверное, отчасти от выпитых хмельных напитков. Вот лишь один эпизод такой трескотни:

- Ты говоришь, одним ударом головы сшиб десятерых охранников этой крепости? То-то я смотрю, ты все эти дни туго соображаешь, с утра шлем на задницу натянул, того и глядишь, к вечеру во мне жену разглядишь. Ха-Ха! – залился смехом здоровяк-толстяк с длинными косами волос вдоль лица. На нем был надет килт – национальное одеяние горцев-шотландцев. Все называли его Ленокс из Каслбея, говорящее имя, ничего не скажешь, означающее «вяз». Присутствующие поддержали его насмешку дружным хохотом. К удивлению Джесс, тот воин, в адрес которого была пущена оскорбительная шутка, совсем не разозлился, а напротив, поддерживал общее веселье, находчиво отвечая обидчику остротами все в таком же духе.

Следом затронули политику, но Дункан почему-то почти сразу прервал направление беседы присутствующих. Вдруг он попросил Ленокса сыграть что-нибудь задорное на волынке, а некоторых других, очевидно, тоже владеющих музыкальными инструментами, – подыграть здоровяку на ударных и струнных, чтобы потешить его невесту, а заодно и гостей.

Мелодии оказались, действительно, весёлыми и залихватскими. Барабаны издавали ритмичные звуки, а яркие напевы волынки заставили большую часть мужчин выделять завораживающие кренделя национальных танцев. Паркенс дивилась этому диковинному зрелищу танцующих горцев. Такого она ещё нигде не видела!

Среди увлекательного шума, вызванного полудикими плясками и смехом, Джессика обратила внимание, что Дункану что-то озабочено шептал слуга, возникший внезапно. Маккоул привстал и прошёл к выходу из зала с общим весельем. Там она увидела, как человек, вероятно, путник, (беспорядок его внешнего вида красноречиво на это указывал), вручил ему свиток бумаги, опоясанный печатью. Дункан пригласил гонца присоединиться к их пиршеству,

а сам, нисколько не мешкая, развернул свиток и торопливо пробежался по нему глазами. После прочтения послания он никак не выказал своей реакции на его содержимое. Лишь подошёл к месту, где сидела Джесс, и, учтиво подав ей руку, объявил о своём дальнейшем намерении только девушке:

— День был долгим, но выдержали вы его достойно. Не стоит вас переутомлять после перенесённой болезни. Я сопровожу вас в ваши покои — вам нужно отдохнуть. Завтра будет насыщенный день — нам предстоит дать друг другу клятвы перед всевышним и гостями. Любви не смею от вас требовать, так как сам не безгрешен.

Джессика, не принимая всерьёз его слова, всё же поспешила удалиться из шумного зала. Она рассчитывала, что Нормина к этому часу уже сможет её порадовать какими-либо вестями о замышляемом побеге. Всю дорогу до её покоев Джесс упорно молчала. Пусть Маккоул думает себе, что хочет! Но она жутко устала от постоянного напряжения от необычайных времяпрепровождений в замке! Вот тебе так поездка с милым на отдых!

Глава 7. Шаг в неизвестность

Джессика не ошиблась: как только затихла чеканная поступь возвращающегося в зал Маккоула, в её покои бесшумно просочилась Нормина. Она, словно тень, скользнула из темноты коридора.

– Леди, я почти всё подготовила к нашей «прогулке» возле замка, – Нормина оглянулась на дверь и, убедившись, что их никто не слышит, продолжила: – Нам придётся воспользоваться потайным выходом через пещеры. Я нашла преданного леди Равенне старенького слугу, который один из немногих знает этот путь. Он проведёт нас, но только при одном условии.

– Каком, Нормина? Говори, не медли, – волновалась Паркенс.

– Он согласился сделать это сразу после вашего венчания с Маккоулом-старшим. До этого, по его словам, побег невозможен – охрана расставлена повсюду, словно кто-то предупредил их о вашей затее. Он надеется, что после церемонии недоверие к вам ослабнет. После торжества я буду дожидаться вас в вашей спальне, чтобы подготовить к брачной ночи. Этими минутами мы и воспользуемся для побега. У тайного выхода нас уже будут ждать. Но лабиринт пещер я не знаю, поэтому и полагаюсь на этого старика.

Джессика молчала несколько минут, нервно расхаживая по спальне и заламывая руки. Потом резко остановилась и выпалила:

– Я согласна, Нормина! – в подтверждение своих слов она крепко стиснула обе руки доброй девушки, словно умоляя её о преданности, так как полностью решила вверить себя ей.

Эту ночь Джессика Паркенс провела без сна. Под утро она наконец-таки уснула. Затем она узнала, что слуги тщетно пытались её разбудить пополудни. По замку ползли слухи, что леди Равенна пыталась покончить с собой с помощью ядовитых снадобий. Вызванный монах Иэгэн привёл её в чувство какими-то нюхательными травами.

И тут понеслось...

Все без исключения суежились к намеченному вечером торжественному церемониалу. Сколько, оказывается, традиций имело это таинство!

Со двора были слышны мелодии уличных музыкантов, радостные крики простолюдинов, ожидающих милостей от господ в честь свадебного веселья. Но даже они не могли заглушить рёв молодых свиней, которых ждала участь стать украшением не одного пиршественного стола в этот праздничный вечер. Хотя по замку уже сейчас разносились волнующие ароматы изысканных свадебных яств и без этих несчастных четвероногих.

Сначала Джессику слегка накормили лишь овсянкой, напомнив ей, что в такой день по традиции это незамысловатое блюдо служило завтраком для всех без исключения⁷. Хотя она жутко хотела есть, слуги ей почему-то не дали возможности насытиться вдоволь, напоминая, что её уже сейчас ждёт обряд «Очернения невесты». Будто она знает, что он ей сулит! Конечно, Джесс немного заволновалась и, несомненно, хотела поинтересоваться, что это за обряд. Она стала искать глазами Нормину, чтобы тихонько выведать у неё тонкости этого ритуала, чтобы не попасть впросак. Но её единственной сообщницы в этом «театре абсурда» нигде не было видно.

Паркенс облачили из двух принесённых нарядов в совсем простенькое платье. Второе, не тронутое, как ей сказали «Пока!» — также вряд ли можно было назвать подвенечным, потому что было не привычным белым или другого цвета изысканным, а скорее национальным, с клетчатой юбкой.

⁷ На северо-востоке Шотландии вплоть до 19 века существовал следующий обычай. Гости собирались с утра, приглашенные невестой в её доме, женихом – в его доме. Подавали завтрак из овсянки.

Волосы ей также не стали укладывать в причёску. Лишь стянули их в какой-то бесформенный узел, накрыв плотной однотонной косынкой.

Когда Джессика глянула на себя в зеркало, мелькнула мысль: «М-да! Незавидная участь средневековой невесты-леди! Я представляла себе несколько иначе её свадебный наряд! Как же тогда выглядели простолюдинки-невесты?!» Пухленькая служанка Гленна, как будто прочла мысли Джессики, сделала, по её мнению, успокоительное замечание:

– Радуйтесь, леди, что вам, по счастью, не доведётся испытать муки «Права первой ночи», как нам, простым смертным девушкам.

Паркенс невольно сглотнула, вспомнив всё, что она знала о варварском обычае, по которому феодал имел право провести первую ночь с невестой своего крестьянина.

После таких жутко картинных слов Гленны Джесс уже решила, что стерпит всё что угодно до самого конца! Разве может быть что-то ужаснее того, что припомнила Гленна?! Наградой ей будет – личный «подарок» жениху, когда он в свою первую брачную ночь проведёт в обнимку с вышитой подушкой! А она, Джессика Паркенс, в это время будет добираться в Англию на попутках и репетировать, что она скажет Сэмюэлю при встрече! «А может быть, я тороплюсь с выводами? И это было бы мое последнее испытание? Может, в этот самый момент появится Сэм и наконец признается в своём розыгрыше, пусть и неудачном?! Не может же Дункан Маккоул и вправду её принудить к плотским брачным утехам!»

Пока она тешила себя этими мыслями, её дружной толпой вывели во двор крепости. Двор она ещё не видела ни разу, если не считать один раз ночью (много ли в темноте увидишь!) по прибытии в замок, и второй – с высоты крепостных стен - когда её перепуганную в тот же первый поздний вечер волокли к перилам каменного балкона, чтобы объявить о её согласии стать Равенной Маккоул.

Двор был широким, многолюдным. В центре площадки, как раз напротив упомянутого балкона, стоял помост. Вероятно, сделанный для оглашений воли хозяев замка или для места наказаний за провинности, возможно, и казней. Возле него собралось много ротозеев, хохочущих и потешающихся. Причём большая часть из них были поданные Маккоула или вассалы-союзники. Там был и Локсли, и Донован, и Маккоул-младший, и Ленокс. Когда вереница слуг сопровождала невесту ближе к этому зрелищу, Джесс разглядела сквозь толпу у позорного столба помоста привязанного мужчину в «великолепном» костюме Адама. Когда её взор медленно поднялся от мускулистых бёдер к лицу обладателя красивого нагого тела, Джесс смутилась, потому что встретила глазами со своим мнимым женихом, Дунканом Маккоулом! Но как же это возможно?! Воины-мужчины ликовали, выкрикивая различные подзадоривающие фразы в честь жениха. Джессика боялась вновь поднять глаза на Дункана, теряясь в догадках о причинах его позорного плена у шеста. Спасла положение Нормина – служанка каким-то образом оказалась рядом, а может, она уже давно её сопровождала, а Джесс от ежеминутных потрясений могла её и не заметить. Нормина, видя её перепуганные глаза, шепнула, что так мужчины празднуют последнюю холостую ночь жениха, и это её традиционные последствия. Обычно жених либо напивается в крайний раз в стельку, либо вымотанный различными способами: тренировочной битвой с равными на мечях, непосильным трудом, умышленной двухдневной бессонницей, наконец, в сонном «отрубе» подвергается такому шуточному испытанию.

Паркенс упорно отказывалась смотреть, что за этим последует дальше. И поэтому не видела, как Дункана освободили от пут верёвок и, все так же ликуя, накинули килт с меховой накидкой на его плечо. Дункан стойко держался, не дрогнув ни одним мускулом, словно женился неоднократно в своей жизни по средневековым обычаям.

Зато она чувствовала неловкость всей этой ситуации, и краска стыда залила её щеки. Вдруг она почувствовала сильные руки Гленны и ещё пару рук слуг-мужчин на своих предплечьях, которые её насильно потянули к тому же шесту наказания. Толпа стала дружно выкрикивать:

– Очернить невесту!

– Очернить! – подхватывал каждый по очереди это устрашающее слово.

Джесс забилась в панике. Что же теперь с ней сделают изверги? Если такое запросто творили с Дунканом, вассалом короля! Она, не осознавая себя, стала кричать:

– Отпустите, сумасшедшие! Пустите!

Завидев верёвку в руках мучителей, она стала кусаться и вырываться пуще прежнего. Потом громко зарыдала, проклиная Сэма, Дункана и остальных собравшихся. И затихла лишь тогда, когда почувствовала, что её, связанную к столбу, «просто» закидывают яйцами, овощами, другими пищевыми продуктами. Заливают её одежду (которая, слава Богу, осталась на ней!) прокисшим молоком, какой-то жидкой кашцей, а, возможно, и отходами для свиней. Джессика с трудом сдерживала рвотные позывы от запахов «снарядов». И мысленно возблагодарила слуг, которые поутру ей не дали наесться до отвала, чтобы не опозориться вдвойне. Так вот, что значит обряд «Очернить невесту»!

Вот этого она-то не знала! Не знала, что делалось это с целью проверить стойкость будущей жены. Если невеста смогла выдержать испытание «нечистотами» (ей видать, леди, повезло, что это были лишь помои, а не нечистоты в прямом смысле этого слова), то в дальнейшем их супружеской жизни ничего не грозило и все тяготы замужества новобрачная перенесёт с высоко поднятой головой.

Потом замученную Паркенс ждал двухчасовой отдых, если отмывание её тела от «благодати» омерзительного обряда невесты можно было так назвать. Прислуга постаралась на славу, оттирая кожу леди Равенны, и к концу купания Джессика стала походить на только что приготовленного молоденького поросёнка к запеканию на вертеле.

Ее волосы, лицо, руки с помощью ароматных масел и травяных отваров приятно благоухали. Кудесником этих стойких и притягательных благовоний, достойных пользования особ королевских кровей, был старец-монах Иэгэн. Он в качестве подарка будущей новобрачной преподнёс несколько пузырьков своих дивных ароматных творений.

Теперь ей пришлось надеть второй наряд с неизменной шотландской тканью в клетку. К удивлению Джесс, национальный костюм был ей к лицу. Однотонный верх, недлинная клетчатая юбка, открывающая свадебные мокасины – мягкие, удобные, ручной работы, с пурпурной вышивкой и замысловатой шнуровкой до колен.

Ее волосы лишь слегка коснулась рука горничной. После сушки локонов, которые сами вились от природы у Паркенс, их старательно расчесали гребнем причудливой формы и оставили ниспадать по спине пышной копной. Сбоку у висков был заплетен венец из тонких косичек её же волос. Этот естественный венец был украшен какими-то живыми мелкими лиловыми цветочками, своим видом напоминающими ромашки.

Всё это время невесту сопровождали обрядовые песни – чаще грустные, от которых волнение Джессики только росло. Ей не терпелось вырваться из мрачных покоев и вдохнуть свежий горный воздух.

А на площади крепости жителей замка и окрестной деревушки ждал ещё один старый обычай, *creeling the bridegroom* – «Плетеная корзина».

Смысл традиции был прост: жених нёс на спине большую плетёную корзину, которая должна была быть для рыбы, но на деле была наполнена камнями. Он ходил так из конца в конец деревни, пока невеста не останавливала его поцелуем. Романтично, ничего не скажешь. Маккоул мог бы благодарить судьбу: Джессика знала эту традицию как свои пять пальцев. Ведь она сохранилась до наших дней. Иначе горе-жених ходил бы с корзиной до самого утра. Понятно, Джесс довольно «помучила» Дункана Маккоула в ожидании спасительного поцелуя. Сколько из неё попили крови Сэм Декер, Дункан Маккоул и все прочие участники этого туристического шоу! Невеста сжалась лишь на двенадцатом круге тягостных хождений Маккоула-старшего. И то только потому, что Нормина бесцеремонно вытолкнула её из толпы зевак

— безмолвным жестом напоминая, что пора играть роль смиренной невесты, если она хочет сбежать.

Джессика медленно и неуверенно направилась к «труженику» морского побережья. Она шла к нему, а в голове вертелось: «Что я здесь делаю? Почему я должна целовать человека с корзиной на спине? Ну вот, — подумала Джессика, делая шаг. — Ещё один шаг к свободе. Или к безумию?» Она приближалась к нему, чувствуя, как на неё смотрят сотни глаз. «Сейчас я его поцелую, — думала она, — и весь этот цирк закончится». Но ноги не слушались. «Благо сейчас жених сменил костюм Адама на более приличный наряд», — при этой мысли Джесс вдруг густо покраснела. Да, Дункан недурно сложен, что и говорить. Внешность голливудская! О чем только думал Сэмюэль, когда решил играть с ней в эти странные игры. А если бы Маккоул разбудил её так долго дремлющую в девственном теле подлинную страсть? Разве об этом он не подумал? Но этому не бывать! Одной сексуальной внешности мало для Джессики Паркенс — ей нужны чувства, любовь, неземная и чистая, ответная и вечная. Только так! Взгляды жениха и невесты встретились в безмолвном поединке. Толпа продолжала по нарастающему улюлюкать, желая видеть долгожданный поцелуй. Паркенс положила руку на свободное плечо Маккоула — второе было занято корзиной, — тем самым давая ему знак остановиться. Корзина тут же опустилась на землю: сильные руки хозяина легко справились с ношей. Джесс пришлось приподняться на цыпочки, чтобы запечатлеть поцелуй на гладковыбритой щеке рыцаря. Но невеста совсем не ожидала, что окажется в крепких объятиях жениха и будет вынуждена отвечать на другой поцелуй — страстный и горячий, долгий и воспламеняющий, вызывающий у смотрящих на них всеобщий громкий восторг и умиление романтической сценой.

«Что же со мной происходит? — думала Джесс. — Я терплю эту муку и не пытаюсь высвободиться из чужих объятий. Мало того, мне нравится это неизъяснимое чувство, вызванное поцелуем Маккоула. Может, это дурман шотландских гор или благовоний Иэгэна?»

Ей должно быть стыдно, но она вдруг поймала себя на том, что сравнивает поцелуй Декера с этим — горячим, требовательным, от которого у неё перехватило дыхание. И понимала, что Сэм ни разу не заставил её сердце биться так, как сейчас. Дункан Маккоул целовал её так жадно, что Джессика забыла дышать. Она не успела опомниться, как поцелуй прекратился — так же внезапно, как возник. Бесцеремонно прервать поцелуй позволил себе Ричард, младший брат Дункана:

— Брат, не вынуждай меня усомниться в твоих словах. Ты предрекал, *что эта леди* пожалеет о своей дерзости, и расплатится за то, что выставила тебя, Маккоула, неудобным женихом. Помнишь?

Слова Ричарда действовали на Дункана и Джессику как ушат холодной воды. Она моргнула, чувствуя, как воздух снова наполняет лёгкие.

По толпе пробежал недовольный ропот. Ричард выдержал убийственный взгляд Дункана смело и вызывающе. Разрядил обстановку Морай Локсли:

— Дружище, Дункан! Ты собираешься сегодня поить гостей виски? Умираю от жажды! Не пора ли нам звать священника? Народ требует гулянья и веселья! Разве можно заставлять всех долго ждать такого громкого праздника? Сегодня наконец-то объединятся два могущественных клана — Маккоулов и Гордонов! Да здравствует король! Да здравствует великая Шотландия!

Толпа, ещё минуту назад готовая взорваться от возмущения, вдруг единым патриотическим порывом поддержала Локсли:

- Да здравствует король!
- Да здравствует великая Шотландия!
- Виват! Виват!

Морай Локсли, как верный друг, вовремя нашёл противоядие от гнева Дункана. Ричард, не выдержав натиска народного восторга, растворился в толпе.

По обычаю, жениха и невесту развели: Дункану предстояло смыть с себя усталость после «Плетёной корзины», а Джессика отправилась в свои покои — ждать, когда за неё заплатят выкуп.

Обычно для выкупа невесты выбирали двух мужчин — сильных и красноречивых. Дункан доверил это дело Мораю Локсли и Доновану, который, как оказалось, был не просто слугой, а преданным другом.

На северо-востоке Шотландии вплоть до XIX века в день свадьбы все жители клана собирались в процессию и сопровождали молодых к двери местной церкви-кирхе. Первую службу священник проводил на улице, на шотландском языке, вторую — внутри, уже на латинском. В церкви звучала торжественная музыка.

Дункана и Джессика ждала та же участь — шотландские традиции не делали исключений.

Джесс волновалась, не понимая своих чувств. С ней происходило что-то необъяснимое. Почему эта абсурдная игра в Средневековье так на неё действует? Почему с каждой минутой, проведённой в Данноттаре, ей всё больше казалось, что она каким-то образом попала в варварские времена? Что именно она является здесь и сейчас актрисой «театра абсурда»?

Но водоворот ярких и необычайных событий не давал ей разобраться во всём до конца.

Джесс и не заметила, как настал черед давать ей первой клятвенные супружеские обещания. Она смотрела на «суженого» взглядом кролика, гипнотизируемого удавом. Слова брачного обета вылетели из её уст сами собой, словно по мановению незримого волшебства.

Когда пришёл черед произнести ответную клятву Маккоулу, Дункан как-то по-особенному посмотрел Джесс в глаза. Будто искал в её только что произнесённых словах искренность, а в своих, готовых вырваться, — одобрение и милость. Паркенс смотрела на Маккоула широко раскрытыми глазами. «Может, сейчас тот самый момент, когда всё необъяснимое и загадочное закончится? Все актёры и актрисы снимут маски. В поле зрения появится Сэмюэль Декер — мой настоящий жених. И жизнь пойдёт своим привычным чередом. Но почему тогда мне сейчас совсем не хочется, чтобы всё в один миг прекратилось?»

Этот её последний взгляд, полный мольбы о чуде, Дункан расценил по-своему — как немое согласие на волю небес. Жених громогласно произнёс ожидаемые слова и, согласно шотландским традициям, накинул на плечи невесты клетчатый платок с цветами своего клана, закрепив его серебряной булавкой. Это означало лишь одно: родственники жениха принимают девушку в свою семью.

Если бы в этот момент Джессика Паркенс видела лицо Ричарда Маккоула, она испытала бы невольный страх. Его рука покоилась на рукоятке меча, с которым тот не расставался ни на минуту, губы кривились в горестной улыбке, а глаза-щёлочки искрились ненавистью и злостью.

Но новобрачная (теперь уже её можно было называть по праву именно так) не могла видеть реакцию своего деверя, так как принимала вместе с супругом вереницу громких поздравлений.

Джессика думала, что всё уже позади, но свадебные обычаи только начинались.

В графстве Абердин, как символ изобилия и счастья, над новобрачными разбрасывали горсти ячменя. В решете несли хлеб и сыр, затем куски раскидывали вокруг, а молодёжь и дети старательно ловили эти «крупницы благодати». Сыр на шотландских свадьбах, по народным верованиям, выступал в роли апотропея⁸ — оберега от злых сил. Со временем решето с хлебом и сыром заменили овсяной лепёшкой, которую называли «пирогом невесты» (bride's cake). Её разламывали над головой новобрачной, когда та переступала порог дома, а кусочки разбирали гости. Больше всех им радовалась холостая молодёжь. Кусочки этой лепёшки — «благодать

⁸ АПОТРОПЕЙ (др.-греч. отворачивающий беду) - магический предмет, которому в древности приписывали свойства оберегать людей, животных, жилища от злых сил. Апотропеи часто представляли собой изображения устрашающих божеств и зверей: Горгоны, карлика Бэса, льва, грифона и пр.

невесты» — гости бережно хранили. Верили, что если положить такой кусочек под подушку, он принесёт незабываемые сны и счастливую судьбу.

Что же происходило дальше? Клятвы в верности произнесены, ячменем молодожены всласть засыпаны, радостной и шумной процессией до порога дома доставлены. А дальше — наступал самый трогательный момент: жених переносил невесту через порог, защищая от злых духов. Над головой невесты разламывали овсяную лепёшку, остатки раздавали гостям. И всё это довелось «пережить» и нашим молодым. А после этого ритуала начиналось самое веселое и потешное – свадебное гуляние. Волынщики шли в дом, указывая людям, куда собираться для праздничного застолья. А музыканты зазывали молодожёнов на первый танец. Дункану пришлось церемонно взять жену за руку и повести в центр зала, чтобы продемонстрировать всем свою готовность к этой традиции.

Джессика осознала всю нелепость своего положения: она должна танцевать свадебный танец, но понятия не имеет, как это делается. Она стала осторожно приостанавливать Дункана и, не скрывая своей растерянности, тихо призналась ему:

– Я не знаю, как танцевать этот танец, сжальтесь надо мной!

Дункан сжал её руку крепко и проникновенно, добавив в ответ:

– Доверьтесь ритму. И мне... – его рот украсила пленительная улыбка.

Глава 8. Ошибка небес

Мелодия, под которую пришлось танцевать новоявленным супругам, была поистине дивная и чарующая. Уже с первых её аккордов хотелось кружиться в такт упоительных звуков, забыв обо всем на свете. Дункан двигался плавно, уверенно, и Джессика чувствовала, как её тело подчиняется его ритму. Они кружились, соприкасаясь лишь предплечьями, глядя друг другу в глаза. Его руки поднимались, и она повторяла за ним — «окошечко» над головами, шаг вперёд, шаг назад. Потом — спиной к спине, пальцы сплетены. И снова разрыв, чтобы через мгновение встретиться в танце. Джессика вдруг поймала себя на том, что всматривается в лицо Дункана, пытаясь запомнить каждую черту. Она понимала: вряд ли они увидятся когда-либо ещё. А если и увидятся, то она не уверена, что узнают друг друга в современных одеяниях — в рваных джинсах, футболках с надписями или в чём-то подобном.

Остальные движения танца показались Джессике естественными и незамысловатыми, приносящими трепет и неизъяснимое волнение.

В то время, когда новоиспечённые муж и жена кружились в танце, гости подхватили манящий ритм и присоединились к молодой семье.

Приятным сюрпризом для Джесс были ряженые (guizers) — молодые приветливые люди в костюмах из соломы, украшенные цветными лентами. Исполнив задорный и театральный танец, они преподнесли подарок невесте — декорированную местным кузнецом подковку. «Как хорошо, — подумала Джессика, — что, чтобы понять смысл этого подарка, совершенно необязательно быть шотландцем или жителем средневековья».

Гости веселились и угощались праздничными яствами долго, волынщики и скрипачи играли до рассвета.

Но разделить радость их гулянья Джесс и Дункану не пришлось — их ожидала первая брачная ночь.

Перед тем как отпустить молодоженов в покои, совершали последний обязательный ритуал — «Омовение ног невесты». Жених должен был омыть невесте ступни в знак того, что она вступает в новую жизнь. Обычно это превращалось в игру-испытание: поймать невесту среди гостей и ополоснуть водой её босые стопы. Девушка сопротивлялась, но в конце концов уступала. Об этом Джессика узнала заранее от Нормины: та предупредила её о том, что ритуал омовения станет сигналом к побегу. Сообщницами было условлено: если в супружеских покоях подавать ритуальную посуду для омовения будет Нормина — всё в порядке, и Джесс уже ждут, чтобы сопроводить через лабиринт спасительных пещер. Джессика также помнила, что в это же время священник должен благословить ложе новобрачных.

Последний ритуал превратился под задорные шуточные напевы волынки в веселую игру «Кошки-мышки». Джесс увертывалась от плена жениха, хитрила и юлила, лукавила и запутывала, чем вызвала дружный хохот мужчин-горцев и довольный смех остальных гостей. Она тянула время для Нормины и удачного побега, как могла. Дункан спустя некоторое время просчитал её дальнейшие действия и пленил Джесс, не ожидавшую такого скорого поворота. Бесцеремонно подхватив супругу, он победно перекинул её через плечо, не обращая внимания на недовольство и чертыханье пленницы.

Под улюлюканье присутствующих Маккоул нес свою трофейную ношу по ступеням наверх. Слава Богу, чести сопровождать новобрачных к супружескому ложу никому не выпало. Священник, выполнивший свою обязанность перед новобрачной четой, уже спускался по лестнице, ведущей из хозяйских покоев замка в главный зал. Он лишь провел молодых благословенным взглядом.

Дункан Маккоул занес Джесс в спальню, одним движением усадил её в уготованное у горящего камина кресло, обтянутое выделанной овчиной. Джессика с минуту приходила в себя

после ненормального положения – перекинутую головой вниз её не так часто носили. Тут она заметила рядом с креслом стоящую чашу с водицей для омовения её ступней. Джесс лихорадочно стала искать глазами Нормину, чувствуя, что сердце бьётся быстрее, безжалостно угрожая позволить ей удариться в постыдную панику.

Тем временем Маккоул стал развязывать её шнуровку свадебной обуви, расшитых мягких мокасин. Он поставил её ножку себе на колено, и не спеша расшнуровал одну ногу, затем так же медля – вторую. Что и говорить, это был один из самых романтических моментов жизни целомудренной Джессики Паркенс. Дункан обжигал её огненным взглядом. Джесс вцепилась руками в подлокотники кресла, разрываясь между предательским желанием остаться на месте и вскочить, стремглав убегая от сладостных и томительных, головокружительных и пьянящих новых ощущений тела.

Вода в чаше оказалась теплой, прикосновения рук Дункана во время омовения ступней напомнили Джесс умелый массаж. По окончании ритуала он проворно высушил ноги супруги приготовленной заранее шерстяной тканью. Затем встал во весь рост, протянул ей руку и вымолвил бархатистым голосом:

– Мне очень жаль, что вы из клана Гордонов и мы не встретились с вами при других обстоятельствах! Но в угоду королю мы стали супругами в глазах сотни гостей: родных, друзей, наших подданных. Назад пути нет...

Увидев её замешательство, растущий страх в глазах, он одновременно нежно и властно взял её кисть руки и заставил приподняться. Он не дал времени опомниться Джесс, подхватил её на руки и понес к супружескому ложу...

Слова стали бесполезными, слезы тоже.

В эту ночь Джессика Паркенс поняла, что небеса также совершают ошибки...

Глава 9. Раскаты судьбы

Гром разбудил Джессику — тяжёлые раскаты прокатились над замком, заставляя дрожать стены. По проникающему свету в узких окнах-бойницах было непонятно, какое наступило время суток: небо затянуло грозowymi тучами. В покоях ярко пылал камин, головешки дров потрескивали и искрились. Джессика проснулась в постели одна. Очередное пробуждение в этом замке — и снова в смятении чувств и мыслей! Она «истинно» стала женой Дункана Маккоула. Но кто же он, этот искуситель Дункан Маккоул? Актер? Сумасшедший, как и все обитатели замка? Или настоящий средневековый горец?

Вдруг оглушительно грянул гром, и молния сверкнула, любопытно заглянув в окно покоев новоиспечённой и сметённой чувствами супруги.

Джессику Паркенс на миг ослепила кривая линия молнии. И в сознании Джесс, как по волшебству, вспыхнул образ манускрипта, найденного ею в первый день по прибытии в замок. Так вот где таится разгадка последних событий! Мыслимо ли такое?! «*Древние заклинания!* Кажется, так было написано на титульном листе. Что же ещё было там написано? Помоему, *Неподвластные времени судьбы...* Да-да! Потом в середине книги: что-то о любви и о времени: *...время учит быть сильнее... и время меняет все...* Зачем я только прочла эти строки?! Наверное, это и было какое-то заклятие!»

Джессика Паркенс соскочила с постели совершенно нагая, разыскивая глазами любую одежду. Но в спешке нашла лишь свадебную сорочку, так и не пригидившуюся в эту ночь.

Джессика схватила оставленную зажжённую свечу со столика спальни и, не обращая внимания на леденящий холод каменного пола, босиком стала пробираться в часовню, где хранился артефакт с заклинаниями.

Джесс, можно сказать, влетела в молельню, радуясь, что никого не застала ни по дороге сюда, ни в самой часовне.

Скамью, закрывавшую брешь в стенной кладке, она стремительно сдвинула с места. Паркенс стала нетерпеливо шарить рукой в отверстии стены. Все безуспешно. «Книги нет!» — крик резал сознание.

Джессика задвинула скамью на место и села на неё. Оцепенев, она притянула замёрзшие ноги к груди и натянула на колени свободную сорочку. Её трясло, и она не понимала, отчего больше — от холода или от потрясений, следуемых без передышки одних за другими.

Она жена средневекового рыцаря! Она не Джессика Паркенс, а леди Равенна! Как же так? Где же настоящая леди Равенна? Как ей вернуться в своё время? Как всё исправить?

Её мысли неожиданно прервали: в часовню вошел брат Дункана — Ричард. Он учтиво, но надменно поклонился Джесс, и в его голосе явственно слышались издевка и едва скрытая ненависть:

- Что ж, поздравляю вас! Вы теперь носите имя Маккоулов! А может, уже и наследника нашего рода в своём чреве? Или вы подтвердите противоположное? Ведь неспроста мой замечательный брат стремглав умчался на подмогу королю на утренней заре! Вы обхитрили его или устояли против его чар? — довольно улыбнулся Маккоул-младший и тут же разлютовался: — Или он всё-таки сделал вас своей женой этой ночью? Отвечайте! — громогласно потребовал Ричард.

Джессика растерялась — она и так не знала как себя вести после всего случившегося. Ещё и брат Дункана заставляет её испытывать страх своим придирчивым поведением. Почему он так ненавидит леди Равенну, то есть её? И что это он ей говорит, что её супруг (как странно звучит — её супруг!) покинул замок? Вот так просто?! Венчание, одна брачная ночь — и был таков? «О Небеса! Почему это происходит именно со мной? Грезил о старине — получай: и мужа-рыцаря, и жильё-замок! Как свыкнуться со своим теперешним положением? Как на

все реагировать? Может, признаться всем о своей находке – книги заклинаний? А если они рассмеются только? Или, того интереснее, признают ведьмой? Ведь книга исчезла! Но кто-то же знает о её существовании! Кто-то же взял её из тайника! Где её теперь искать?»

– Не хотите отвечать? Я сам это узнаю! Идёмте!

Вдруг Ричард бесцеремонно её поволок из часовни прочь. Снова всё повторяется, как в первый вечер её пребывания в крепости! Только в тот раз волочил её коридорами Дункан, и Джессика паниковала совсем по-другому: она считала, что находится в «своём» времени, а Маккоул-старший – всего лишь актер.

– Куда вы меня ведёте?! – встревоженно спросила Джесс.

Ричард Маккоул ничего не ответил. И тянул её к тому же каменному балкону, с которого открывался вид на двор крепости.

Джесс ещё не успела приблизиться к перилам балкона, как сквозь шум дождя услышала жалобные стоны и женский плач со двора. Когда она окинула взглядом крепостной двор, ужаснулась: к позорному столбу была лицом привязана Нормина. Руки её были задраны высоко над головой и связаны, спина исполосована кнутом и кровоточила. Даже беспощадный ливень не мог скрыть свежих ран девичьего тела. Палач занёс плеть для нового удара. У Джессики внутри всё сжалось. Как хорошо, что к этому моменту Ричард Маккоул освободил её руки от своих пут. Паркенс стремглав рванулась из здания вниз к бедной девушке на подмогу. «Изверги! — жгло изнутри Джесс. — Как это жутко! Чего ещё ждать от Средневековья? Варвары!»

Пока Джессика бежала по слабо освещённым коридорам и бесконечным лестницам, она твердила себе только одно: «Не расплакаться перед мучителями, не сдаться, не закричать...»

Ей ни в коем случае нельзя показывать, что она в замешательстве! Она не даст возможности этим дикарям сломить её дух! Иначе она не сможет выжить в этом суровом времени – не сможет разобраться в силе случайно сотворённого заклинания и вернуться обратно – в двадцать первый век.

Выбежав из замка, она, не останавливаясь и не страшась ливня, неслась к месту экзекуции горничной. В пяти шагах от злосчастного помоста Джессика закричала:

– Остановитесь! Я вам приказываю!

С балкона, который она только что покинула, Паркенс услышала неприятный громогласный смех. Джессика обернулась — но там никого не было. Она ожидала, что палач её не послушается, особенно после реакции на её слова Ричарда Маккоула. Джесс лихорадочно искала нужный довод — и с удивлением поняла, что следующая её тирада легко убедила ката прекратить наказание:

– Как только вернётся Дункан Маккоул, вы пожалеете, что ослушались меня! И тогда я буду так же беспощадна к вам, как вы сейчас к этой беззащитной девушке!

Палач, услышав имя Дункана, как зачарованный, опустил плеть и замер, ожидая дальнейших указаний леди – хозяйки замка. Джессика Паркенс, сама не зная почему, радовалась своей догадке: «Значит, приказ о наказании Нормины отдавал не Маккоул-старший! Это всё Ричард! Это его мне надо остерегаться с удвоенной силой!»

– Отвяжите её немедленно! — приказала она.

Палач, пусть и не охотно, но стал освобождать со своим помощником измученную горничную. Джесс не удержалась и сама принялась поддерживать обессиленную девушку. Джессика перекинула её затёкшую, но уже освобождённую от веревок левую руку через своё плечо и начала осторожно сводить бедняжку с треклятого помоста.

Дождь всё хлестал, словно оплакивал жестокость людей.

– Что делать с ним, госпожа? – без эмоций спросил мучитель Нормины, указывая на сломленного духом сгорбленного старичка, вероятно, ожидающего свой черёд наказания. Его Паркенс даже не заметила, спеша на выручку к служанке. Нормина, мучаясь от боли, прошептала:

– Это проводник через пещеры...

– Оставьте его! Это смертный приговор, а не наказание! Разве старец вынес бы такие муки? Варвары! Убирайтесь! – кричала Джессика, сама удивляясь своей смелости и злости. Скрытые эмоции от пережитых потрясений выплеснулись наружу.

– Подойди ко мне, добрый человек! – обратилась она к старику. – Помогите мне довести её до дверей замка, если можете! Они не посмеют вас тронуть! Я не допущу этого! Нет, не вы! – громко запретила Джессика, заметив, что истязатели сами попытались помочь ей.

Старец подхватил Нормину с другой стороны, и они повели её к замку. Когда до ступеней осталось совсем немного, он услышал тихий голос госпожи:

– Вам следует скрыться на время, добродей! Есть ли вам где укрыться? – участливо спросила Джессика.

– Я знал, что не раз пригожусь хозяевам замка! Мне прискорбно, что глава клана и его сын Арчибальд погибли! – голос старца дрожал от волнения. – Но я осуждаю бегство леди Равенны, хочу, чтобы вы это знали! Нужно было показать этим Маккоулам, кто здесь хозяин! Принять вызов, а не позорно бежать! Теперь вам, великодушное дитя, придётся отстаивать честь Гордонов! Хватит ли у вас сил сберечь эту древнюю крепость, прокормить трудолюбивых и верных клану людей, так горячо любящих эту землю?!

Джессике стало жаль старожилу замка. Как должно быть трудно простым людям переживать такие тягостные дни! Сколько мучений выпадает на их голову! Войны, голод, жестокость новых хозяев, бесправность и вечный страх за свои жизни! Как его успокоить? Ведь старичку на вид было около сотни лет, никак не меньше! Много ли ему ещё отведено?!

– Если бы вы знали, кто я... Вы бы не задали мне этот вопрос, — задумчиво произнесла вслух отрешённая Джессика Паркенс.

– Я знаю, кто вы, храбрая юница⁹. Волхвы этого края много веков назад предсказывали ваше появление: «И снизойдёт с глубин неведомых ещё веков дева-спасительница на земли Гордонов и Маккоулов с именем чужестранки из чужечасья¹⁰. И объединит два враждующих клана. Подарит новую счастливую жизнь, силу, надежду и веру в ещё лучший мир».

Слова старца повергли Джессику в шок. Что он говорит? Не галлюцинация ли его слова?

– Не ослышалась ли я, почтенный? Ты только что говорил о предсказаниях волхвов об иноземке из чужечасья?! — с сомнением спросила Паркенс.

Старик горделиво кивнул головой в знак подтверждения истинности своих слов.

— Не беспокойтесь, леди «Равенна»! Мне есть где укрыться. Я подам вам о себе весть, потому что, надеюсь: ещё пригожусь. — Старик, несмотря на свой возраст, учтиво поклонился чуть ли не до самой земли молодой госпоже. Не дожидаясь ответа, словно нарочно, оставил Джесс в оцепенении от услышанного. Он проворно заковылял к воротам крепости, промокший под ливнем, но умиротворённый беседой с девой-спасительницей, посланной всем им на радость небесами.

⁹ ЮНИЦА, ы (книжн. устар.). Женск. к юнец; девушка.

¹⁰ Чужечасье – вот такой неологизм у меня родился)

Глава 10. Дикий вереск

Многочисленный отряд вооружённых всадников торопливо миновал ещё один шотландский город – Данфермлин. Их предводитель почти всю дорогу от Абердина молчал. Спутники, даже те, кто присоединился позже, не решались его тревожить — их шутки о женитьбе и брачной ночи он встречал холодно.

Этим предводителем был Дункан Маккоул. Держал он путь в стан короля близ Джебборо и впервые не рад был военному походу, даже если это значило быть рядом с самим королём. Больше всего его гложило то, что причину он даже сам себе не мог объяснить. Король Вильгельм I был глубоко уважаем им, не только потому, что верноподданническому чувству к монарху его, титулованного вассала, приучили с ранних лет, но и потому, что нынешний венценосец внушал ему доверие своим правосудным правлением, армейской выправкой и безудержной любовью к Шотландии. Дункан не мог позволить себе подвести или ослушаться сюзерена, даже если это претило его внутренним убеждениям и желаниям – как в случае с навязанной монаршей волей собственной женитьбой.

Всю дорогу в сознании Дункана назойливо всплывали картины последних дней в Данноттаре. Перед глазами то и дело возникало лицо молодой жены. Оно возникало на фоне сменяющихся пейзажей – то со строптивым выражением, то с обворожительной улыбкой, украдкой пойманной его взором. Но всё больше в его миражных видениях хозяйка Данноттара, а теперь его жена, напоминала ему встревоженную дикую лань. «Вы останетесь для меня загадкой, леди».

Дункан Маккоул торопился, но не к границе, хотя его с нетерпением уже ждали, а в свои владения близ Эдинбурга – замок Крейгмиллар. Он спешил, чтобы выиграть несколько часов и заглянуть в Крейгмиллар — повидать родных и отдать распоряжения о встрече своей жены, которой предстояло жить в замке на время его отсутствия. Эта мысль пришла ему внезапно — под раскаты грома в дождливое раннее утро. А убедила его в этом решении новость, которую принёс Ричард: брат узнал о запланированном побеге леди Равенны и тайно сорвал его. Доставить жену в Крейгмиллар он доверил другу Мораю Локсли, как только тот оправится от ранения. А Данноттар он оставил на попечение брата.

Где-то там, за этими горами, ждал его Крейгмиллар. Всего пару часов...

Дункан любил свои земли. Может, потому что это были не только привычные для Шотландии горы, но и лесистые уголья удивительной красоты — с озёрами, болотцами и водопадами. На холме у одного из озёр возвышался дорогой его сердцу Крейгмиллар — величественный и неприступный.

Почему же сейчас ему так тягостно ступить за врата родового замка? Неужели виной всему встреча с Маргарет Маккоул?

Но ведь она знала, что за его вынужденным браком с наследницей Гордонов последуют перемены.

Он ясно вспомнил, как около трёх лет назад Маргарет — тогда ещё юная, но уже познавшая горечь судьбы — застала его одного, купающегося у подножия водопада. В тот угасающий скорбный день ему хотелось смыть с себя тяжесть утраты. Дункан Маккоул был хорошенько разогрет виски, выпитым по случаю смерти отца, Фергуса. Он не успел с ним попрощаться — в очередной раз Дункан охранял юго-восточные границы Шотландии. И вдруг на него свалилась ответственность за весь клан Маккоулов. В числе тех, кто нуждался в нём, была и Маргарет — молодая вдова, только что потерявшая мужа, его отца.

Она-таки добила своего — стала его любовницей. В тот же злосчастный день! И почему он только не устоял тогда? Неужели всему виной был виски? Сколько бы Дункан ни выпивал, он всегда контролировал себя! Или же это была жалость к ней?

Он знал, что она была несчастна в браке с его отцом. Ещё совсем девчонкой её насильно выдали замуж за согбенного старика, Фергуса Маккоула. Инициатива исходила от её родных — обнищавших подданных Вильгельма I, которые видели в этом браке единственный выход из своего бедственного положения. Изначально родственники Маргарет рассчитывали получить согласие на брак с будущим наследником Маккоулов — Дунканом, старшим сыном могущественного клана (Ричард в ту пору был совсем ещё юнцом). Но Фергус Маккоул прочил своему любимому сыну-наследнику иную судьбу...

Дункан тогда, ничего не зная, постигал воинское искусство на границе. И делал успехи, радуя отца. Так Маргарет стала женой Фергуса Маккоула. Детей у них не было. Брак продлился всего два года.

Ещё при жизни Фергуса Маккоула, когда Дункан навещал Крейгмиллар, он не раз ловил на себе откровенные взгляды молодой супруги отца.

С каждым его приездом Маргарет менялась: она расцветала, как дикий медоносный вереск на солнце. Но вместе с тем менялся и её нрав: из тихой скромницы она превращалась в бойкую женщину. Заметив, что силы мужа угасают, она быстро взяла управление замком и прилегающим угодьем в свои руки.

Лилиас — бойкая младшая и единственная сестра Дункана и Ричарда — стала союзницей Маргарет.

Ричард тогда, впрочем, как и сейчас, не интересовался ничем. Лишь волочился за хорошенькими служанками, махал, тренируясь, клинком по несколько часов без усталости, тайно лелея надежду добыть славу на ратном поле, да такую, чтобы гремела по всей Шотландии и своим громом затмила воинский триумф Дункана.

Молодая жена отца неплохо справлялась с обязанностями хозяйки. Дункан был спокоен за Крейгмиллар и домочадцев. За это он уважал энергичную Маргарет. Но после одного происшествия Дункан стал остерегаться случаев, когда судьба, подшучивая над ним, сталкивала их пути-дорожки в абсолютном уединении.

Однажды Дункан вернулся с воинской службы на несколько дней. Семья, включая Маргарет, встретила его радушно. Вечером готовили пир в честь его прибытия, а Маргарет распорядилась приготовить Дункану горячую воду для омовения. Дункан удивился, когда Маргарет решила лично проверить, как слуги выполнили её распоряжения. В комнате уже никого не было, а он, ничего не подозревая, лежал в горячей воде. Маргарет без стеснения подошла к лохани, плохо скрывающей его тело, опустила руку в воду, будто проверяя её температуру, и сказала то, что и так читалось в её глазах:

— Как жестока ко мне судьба! Моим мужем мог быть ты, Дункан Маккоул!

Тогда Дункан схватил её мокрое запястье у воды и, тяжело сглотнув, проникновенно сказал:

— Опомнись, Маргарет! Мой отец — твой муж! Не гневи небеса!

Ему было жаль молодую жену Фергуса. Но он понимал: этот мир не под силу изменить никому. Можно лишь измениться самому, если судьба обошлась с тобой жестоко. Необходимо научиться принимать несовершенный и, в то же время, удивительный мир таким, каков он есть.

Тогда он, благоразумный, устоял...

Глава 11. Крейгмиллар

Когда Дункан осознал, что своей порочной связью с Маргарет осквернил память отца, он долго корил себя. Но чувство вины сменилось на неуёмное желание поскорее исправить содеянное: раз не смог устоять против соблазна обладать Маргарет Маккоул, значит, должен был вести её под венец. Он был опытнее и таких безудержных и всепоглощающих чувств, как она по отношению к нему, не испытывал. Но успокоить совесть ему было не суждено: Вильгельм I, знавший о его душевных мучениях, на правах друга и сюзерена, не дал согласия на брак, ссылаясь на то, что сам является таким же невольником политики свято чтимой Шотландии.

А вскоре король объявил о своем решении объединить враждующие кланы — и для этого был намерен женить знатных наследников, чтобы прекратить вековые распри. Маккоулы и Гордоны не стали исключением. Дункану и Равенне выпал жребий — стать мужем и женой...

Наконец впереди показался Крейгмиллар. Уставшие путники облегчённо выдохнули — замок стоял перед ними, величественный и неприступный. Дозорные уже заметили их и возвестили обитателей замка о прибытии главы клана. На подъёмном мосту через крепостной ров уже ожидали Дункана Лилиас и Маргарет. Лилиас заботливо держала за руку свою взволнованную мачеху-ровесницу: все знали о её горемычном положении. Разве можно было скрыть в её глазах блеск всепоглощающего пламени, когда она смотрела на Маккоула-старшего?

— Братец, с возвращением! — не выдержала прыткая Лилиас, горячо приветствуя ещё не спешившегося Дункана.

— Здравствуй, егоза! — как всегда ласково ответил старший брат, покидая седло. Сестрёнка кинулась обнимать Дункана. — Собьешь, непоседа! — широко улыбнулся Маккоул, радушно принимая её в свои жаркие объятия, и, не разрывая их, поднял глаза на Маргарет, стоявшую поодаль. — Здравствуй, Маргарет!

Он увидел замешательство Маргарет, так и не сдвинувшейся с места. Жалость к ней защемила грудь.

— Приветствую тебя, Дункан, — еле слышно ответила она.

— К вечеру отправлюсь в Джебборо. Вильгельм ждёт... — он избегал ответа на молчаливый вопрос: состоялось ли его венчание с Равенной Гордон? — Седокам и лошадям нужен отдых. Мы потеряли несколько дней в Данноттаре из-за... — он осекся: стоит ли рассказывать подробности о приёме Гордонов? Не даст ли он ложную надежду Маргарет?

— Я отдам нужные распоряжения! Твоих друзей накормят и напоят, лошадям дадут все необходимое. Я велю приготовить провизию вам в дорогу. Пусть воины следуют за мной, — холодно ответила Маргарет, стараясь не смотреть на Дункана, словно боялась услышать имя соперницы из его уст.

Она круто развернулась и последовала внутрь крепости. От взгляда Дункана не ускользнул миг, когда её шатнуло. Не показать виду, что сломлена — это в духе Маргарет Маккоул!

Однако он помнит их тягостное прощание. Её нежность и безотчетную ласку, готовую мужчину свести с ума, её трепетные объятия, превратившиеся в цепные оковы в последние минуты расставания. Обет любить его вечно несмотря ни на что...

Дункан следом вел коня под уздцы. Рядом, не пытаясь высвободиться из объятий брата, следовала радостная Лилиас.

— Дункан, ты снова нас покинешь надолго! — надула губки сестрёнка. — Каждый раз ты заставляешь нас грустить в твоё отсутствие! Где же Ричард? Я не увидела этого грубияна среди прибывших. Разве ты не берёшь его с собой? Он так рвётся всегда в бой!

— Лилиас! Он твой брат! — укорил Дункан девушку.

— Не начинай снова, братец! Лучше расскажи, пока нет бедняжки-Маргарет, о Гордонах. Ты теперь женат? — не стала больше сдерживать своего живого интереса сестрёнка, не отрывая от него внимательного взгляда.

Дункан лишь согласно кивнул головой.

— И это всё? Какой же ты бездушный! — наигранно серьёзно заметила Лилиас. — сгораю от любопытства, а ты кивнул и только! Какая она, Дункан? Эта леди Равенна? Правду ли говорят, что она несколько странновата и до неприличия образованна? Можно ли её назвать красавицей? — засыпала вопросами брата Лилиас.

— Когда увидишь её и заговоришь с ней, сама найдёшь ответы на все свои вопросы, плутовка. Осталось недолго. Локсли доставит её в Крейгмиллар совсем скоро. Сможешь ли ты подготовить всё к её приезду? Не хочу тревожить Маргарет...

— Теперь она твоя жена! А ты ни слова не сказал о ней! Как к ней относиться? Ведь она всё ещё из клана Гордонов!

— В первую очередь она моя жена, как ты сама сказала! Прошу относиться к ней так, как того требует её положение и титул, сестрёнка! Во вторых, наш брак — залог прекращения вражды между кланами, как желает этого король! Не забывай об этом!

— Но она разбила сердце Маргарет и твоё! Разве это ничего не значит?

— Не пытайся, милая, изменить наши судьбы! Ни тебе, ни мне, никому бы то ни было не дано это сделать. Оставь всё на суд Богам! Будь умницей! Тебе я поручаю наладить отношения между Маргарет и леди Равенной, пока меня не будет с вами. Я знаю, это будет нелегко. Но ты справишься, моя обожаемая сестрёнка. Ты полюбила в свой час сложную натуру Маргарет. Твоя душа внемлемая, безграничная. Ты — редкость!

— Ты так говоришь, словно успел полюбить свою супругу! Смотри, братец, не миновать нам беды, если это так! Зачем ты принял такое решение? Пусть жила бы в своем замке! Мне очень жаль Маргарет! Выдержит ли она эту каждодневную муку — видеть соперницу и не сместь роптать на судьбу-злодейку?

— Я обещал Ричарду позволить распоряжаться Даннотаром отныне. Это его воинский трофей. Это он помог нам пробраться внутрь замка во время его осады. Отец и брат леди Равенны погибли в ту ночь. Ей пришлось уступить и выйти за меня замуж. Ей тоже нелегко, поверь мне.

— Это твоя душа чистая, как у ангела. Поэтому ты слишком мягок, дорогой братец. Но я так тебя люблю, что никогда не посмею огорчить! Я сделаю всё, что в моих силах, родненький Дункан! Только возвращайся скорее с поля боя целым и невредимым! — она ещё крепче прижалась к брату. И почти всё время, что путники провели в замке, не отходила от него ни на шаг.

Маргарет сдержала слово: соратники были довольны угощением и приёмом. Однако веселья на их лицах не было. Может быть, виной была мысль о предстоящих сражениях, от которых многие устали (за последнее десятилетие границы Шотландии пылали огнем, изнемогали от меча), а, возможно, их пугало непривычное расположение духа их главнокомандующего, Дункана Маккоула.

Глава клана почти не разговаривал во время застолья — он был задумчив и грустен, совсем не притронулся к еде. Затем встал и покинул трапезную. Его охватило безудержное желание пройтись коридорами замка, заглянуть в свои покои. Странное предчувствие не покидало его — будто он не скоро увидит родные стены. Лилиас, которая не отходила от него ни на шаг, страшась разлуки, он жестом дал понять, что хочет побыть один.

Дункан бродил по замку, то и дело натываясь на слуг — словно им приказали следить за ним. Но его это не тревожило: он не замечал никого вокруг. Дункан спокойно направился в картинную галерею с семейными портретами. Полотна предков, казалось, шептали ему свои истории, будто не хотели прощаться. Там же стояли рыцарские доспехи — память о былом величии.

Затем, уставший после долгого дня, Дункан открыл дверь в свои покои и шагнул внутрь. Жаль, что неумолимое время не позволяет ему остаться до утра! Он не солгал супруге – его комната действительно напоминала спальню её брата Арчибальда. *Всё* оставалось прежним, и только на кровати пестрело новое огненно-красное покрывало. «Рука Маргарет», — понял он.

Не успел Дункан об этом подумать, как почувствовал на своих плечах её руки, а следом — тяжесть её головы, прижавшейся к его спине.

— Маргарет, остановись! Прошу тебя! — не оборачиваясь, молил Дункан бедняжку. — Не рви душу!

— Тебе? Или себе? — мягко укорила Маргарет возлюбленного. — Ведь ты так никогда и не сказал таких простых, но заставляющих замереть сердце слов: «Люблю тебя».

Она обошла Дункана кругом и встала лицом к лицу, желая видеть глаза любимого, когда будет звучать ответ.

— Зачем этот разговор затевать, Маргарет? Всё свершилось. Нет пути назад. Смирись, — с болью в голосе сказал Дункан.

— Смириться! И это просишь ты, кого я так люблю. Нет ничего страшнее этих слов, — по щеке Маргарет скатились две слезы, огромные, как неогранённые алмазы.

Дункан стер каждую из них огромным пальцем правой руки.

— Маргарет... — он хотел прижать её голову к своей груди, но побоялся, что она неправильно расценит его жалость. Она словно прочитала его мысли, понимая: он, непреклонный в своём решении, никогда не уступит отныне её женским чарам. И невольно рассвирепела:

— Мне рассказала Лилиас всё о... Даннотаре! — всё ещё боясь произнести ненавистное имя супруги Дункана, яростно вскрикнула Маргарет. — Твоей сестре об этом поведал дражайший Донован! Кстати, если ты ещё не знаешь: Купидон пронзил их с Лилиас сердца одной стрелой! — попыталась ранить Маккоула вестью несчастная. Бровь Дункана поползла вверх. — Завидую Лилиас: она любит и любима в ответ! Но тебя также накажет судьба, как и меня! Ты не будешь любим ею...

— Что ты говоришь, Маргарет! Ты нарочно делаешь мне больно! Лилиас целомудренна! — он, поражённый новостью о связи Лилиас и Донована, не сразу уловил смысл последних произнесённых слов. А то, что Маргарет сказала дальше, заставило его остолбенеть:

— ...И именно я подарю тебе первенца! — эти слова ударили, как гром среди ясного неба.

Дункан пристально посмотрел ей в глаза, отыскивая в них искру лжи, затем опустил взгляд на её чрево — будто оно могло опровергнуть её слова. У него будет дитя! Ещё один Маккоул! Первенец, но не наследник! Судьба над ним посмеялась.

— Как жестоко — благая вест, несущая тревогу и новые испытания тебе и мне! Почему ты не открылась мне раньше?! — выдохнул глава клана. — Как же так? Ты уверяла, что бесплодна... что пьешь для спокойствия нужные травяные настойки... — размышлял вслух ошарашенный Дункан. — Судьба!

Он стал ходить по комнате, волнуясь и радуясь одновременно. Затем резко остановился и произнёс:

— Я признаю дитя. Дам ему имя, окружу заботой и вниманием. Но ты должна понять: твоя беременность и рождение ребёнка ничего не изменят. Моя супруга — Равенна Маккоул. Такова воля короля и небес.

Глава 12. Ричард

Джессика села рядом с Норминой. Горничная металась на кровати, не переставая стонать. Гленна, которую позвала хозяйка, пыталась помочь, но вскоре стало ясно — без Иэгэна не обойтись. К счастью, Джесс, этот старик-кудесник остался в Данноттаре ухаживать за ранеными после осады, в том числе за Мораем Локсли. Дункан доверял Иэгэну и ценил его за дар врачевания и любовь к наукам. Из разговора с словоохотливым монахом Джессика поняла, что многими знаниями её муж обязан именно ему. Иэгэн гордился тем, что был наставником славного Маккоула-старшего.

Джессика с любопытством наблюдала, как чернец толоч в деревянной ступке какие-то травы, шепча молитвы, а затем аккуратно наносил зелёную смесь на открытые раны Нормины. Перед этим он дал ей выпить принесённую с собой настойку — болеутоляющую и снотворную, поэтому измученная горничная забылась благостным сном и не чувствовала прикосновений целителя.

Тишина в комнате длилась недолго — Иэгэн услышал голос леди Равенны и отвлёкся от своего занятия.

— Вы хорошо знаете Дункана, Иэгэн! Мог ли он отдать такое жуткое распоряжение о наказании бедняжки? — Джессика не хотела задавать этот мучивший её вопрос, но он предательски вырвался из её уст. Дело в том, что она вспомнила: в бреду лихорадки она слышала угрозу Дункана выпороть горничную за «мнимую ложь» о её самозванстве. Значит, и он мог быть способен на такое.

— Дункан? Не думаю. Но точно не знаю. А вот Ричард любит такое веселье! — спокойно ответил Иэгэн, видать, привыкший к таким забавам знати.

— Веселье?! — возмутилась Джесс.

— О! Ричард — знаменитый затейник! Его прельщают развлечения подобного рода. Он большой охотник орудий пыток, кровавых побоищ и травли собак — считает такие вещи приятнейшим зрелищем! Сюда можно отнести и... — Иэгэн осекся, увидев бескровное лицо собеседницы, — Лучше вам не знать о его проделках. В своё время его низменную натуру сдерживал Фергус Маккоул. Сейчас — Дункан, если только он не в походе или при дворе Вильгельма (король любит общество моего воспитанника). — Последние слова Иэгэна сквозили гордостью. — Дункан догадывается, что необузданное поведение Ричарда вызвано завистью и безысходностью — ведь он не первенец Фергуса и не наследник родового замка. Отсюда всё дурное и гнусное в поступках Ричарда. Из любви к брату Дункан оберегал всё это время его, делал всё возможное, чтобы он не попал со своей буйной головой в королевское войско. Но армия Вильгельма слабеет, и теперь Ричарду придётся проявить воинскую доблесть. Дункан выпросил у короля для брата отсрочку до весны — надеюсь, что война с англичанами скоро закончится.

— Значит, мой супруг сейчас отправился на войну?! — в её голосе послышалось облегчение, а в глубине сознания мелькнуло, странное дело, разочарование: «Возможно, я больше не увижу его ...»

Иэгэн приподнял бровь, удивляясь её вопросу.

— Наверно, порадую вас — отправился. Отправился в дурном расположении духа и в предчувствии беды, чего раньше с ним не бывало! — вдруг возмутился монах. — Он отличный воин и хороший глава клана. Домочадцы и слуги будут скучать по нему. Вам не понять этого. Вы знаете его как врага и немилого сердцу мужа. Дано ли вам будет познать его как доброго христианина, прекрасного семьянина, заботливого и любящего супруга? Или вам суждено лишь услышать о нём как о ревностном слуге Шотландии, так и не вернувшемся с поля боя? — в словах старца отразилось столько грусти и печали, столько отеческой любви к Дункану Маккоулу и страха за него.

«Так ли верны его хвалебные слова? Или это просто слепые чувства и ярая преданность главе клана?» - мелькнуло сомнение в голове Джессики. Но она скромно промолчала. А что отвечать? Действительно, разве она знает Дункана Маккоула, ставшего загадочным образом её мужем. Да и вообще она не знает целый мир, в котором очутилась! Её представления о Средневековье складывались только из книг. А теперь она перенеслась на сотни лет назад и стала обительницей замка Данноттар! Разве не чудодейство?

Спасла Джессику в неловкий момент Гленна. Она заглянула в комнату Нормины и сказала:

— Госпожа, ванна готова, вам следует поторопиться, чтобы не простудиться. К тому же сэр Ричард приказал подавать завтрак и велел доложить, что ожидает вас к нему.

Джессика, услышав Гленну, ещё плотнее укуталась в плед. Она всё ещё была в мокрой ночной сорочке, с влажными волосами и босая. Гленна подала ей простые кожаные башмаки — домашние туфли, сшитые так незамысловато, что левый не отличался от правого. Джессика благодарно кивнула ей, бросила взгляд на спящую Нормину и, выходя из комнаты, ответила Иэгэну:

— Я буду рада вашим молитвам о том, чтобы Дункан Маккоул поскорее и благополучно вернулся в свои владения.

— Надеюсь, Всевышний услышит их. И в следующий его поход эти молитвы мы возносить будем с вами вместе.

Слова Иэгэна всё ещё звучали в ушах, когда Джессика поднялась в свои покои. Гленна помогла ей переодеться после ванны, но мысли Джессики были далеко. Приведя себя в порядок, Джессика ощутила острую потребность остаться наедине с собой, чтобы обдумать всё, что с ней произошло. Она сказала Гленне, что не покинет комнату.

— Леди, боюсь, вы совершите ошибку, навлекая гнев сэра Ричарда. Это жуткий человек! Остерегайтесь его, госпожа!

Гленна не ушла, а осталась ждать, надеясь, что леди передумает.

«Наверно, Гленна права: обитатели замка уже успели узнать его получше, чем я. Не стоит мне скрываться от всех, давая повод думать, что испытываю страх или усталость. Я должна знать всё, что происходит вокруг! Завести знакомства со всеми — будь то челядь, знать, крестьяне или путники. Кто-то же прольёт свет на моё невероятное перемещение во времени! Ночами у меня будет время всё обдумать». — она перевела взгляд на свою застланную кровать.

Она вдруг вспомнила эту ночь... Краска смущения залила лицо. Как же вышло, что эмоциональная пытка обернулась сладостной дрожью? Не Дункан ли чародей?! Почему она не может забыть его прикосновений? Как ему удалось пробудить в ней страсть? Дункан... Дункан Маккоул... Он открыл ей завесу в мир райских наслаждений, вопреки её разуму.

Джессика спустилась в трапезный зал и замерла в недоумении: Ричард Маккоул вальяжно раскинулся на господском стуле и метал дротики в мишень, установленную около обеденного стола. Рядом крутился юный паж, готовый подавать новые снаряды. За столом сидели двое рыцарей из окружения Ричарда, во всю уплетавших поданные яства. «Хороши манеры! Не дождавшись даму...» — с горечью отметила она.

— Леди Равенна! Рад, что вы всё же решились присоединиться ко мне! — высокомерно отметил её приход Ричард, не скрывая торжества.

Он оставил своё праздное занятие и даже удосужился учтиво подать ей руку, усаживая на место подле себя.

Воодушевлённый смиренным поступком жены брата, Ричард великодушно приказал слуге:

— Стоит пригласить к столу Локсли, на пиршестве ему было уже лучше. Пусть хлебнёт с нами виски за супругу Дункана и за мой Данноттар! Ему это пойдёт на пользу.

Джессика вздохнула с облегчением: она не останется одна с Ричардом и его приспешниками. Морай Локсли вызывал у неё доверие с первой встречи.

— Вы пришли в себя после брачной ночи? После пережитого разочарования: побег не удался, ваша горничная понесла заслуженное наказание? — со злорадством начал Ричард и, не глядя ей в глаза, церемонно налил ей эль в небольшой деревянный квох — традиционную шотландскую чашу с двумя ручками.

— Спасибо за беспокойство! Я видела вашу искренность сегодня у позорного столба.

— Ха-ха! Вас не так просто сломить, Равенна Гордон!

— Полагаю, вашими стараниями — теперь Равенна Маккоул? — не столько спросила, сколько бесцеремонно поправила его Джессика.

— Жаль, что вы достались моему брату, Дункану! Вам повезло! Я бы быстро выбил спесь с ваших манер! — прошипел Ричард, угрожающе наклоняясь к Джессике.

— Вероятно, мне следует согласиться с вами: в своём везении! — не скрывая неприязни, Джессика демонстративно откинулась на спинку стула.

Она встретила его холодный взгляд. В нём читался вызов — как в поединке, когда противник наносит туше. В этот момент в зал вошёл Морай Локсли.

— А Локсли! Присоединяйся! — наигранно обрадовался Ричард. — Брат всё предусмотрел: знал, кого приставить ко мне, чтобы давить вместо него на совесть и напоминать о долге и чести! — с сарказмом добавил он, обнажая свою подлую натуру.

— Побойся Бога, Ричард! Твой брат слеп в своей любви к тебе! — возмутился Локсли, подходя к столу. — Он один, кто упорно не хочет замечать поступков твоей червивой души!

— О! Откровения за откровения! Хотите понравиться леди Равенне? Боюсь, мой драгоценнейший брат и в этом нас опередил. Леди только что призналась мне, что считает за дар судьбы супружество с Дунканом Маккоулом. Быстро же она сдалась закланному врагу!

— Леди Равенна, позвольте пожелать вам доброго утра, несмотря на бушующую погоду за окном и компанию за столом! К моим пожеланиям просил присоединиться ваш супруг. Он также выразил сожаление, что не смог проститься с вами лично — воинский долг заставил его покинуть Данноттар незамедлительно. — Морай Локсли одарил Джессику очаровательной улыбкой, приложился губами к её кисти и позволил себе сесть подле неё.

— Я принимаю ваши пожелания, если вы готовы стать солнцем в этом мраке! — Джессика улыбнулась ему с теплотой и благодарностью за то, что он рядом.

— К сожалению, «солнце» Маккоулов покинуло нас на неизвестный срок, — намекая на отбытие Дункана, огорчённо сказал его верный друг Локсли. — Мне досталась роль факельщика, сопровождающего вас в его родовой замок — Крейгмиллар. Но пока мой лекарь, Иэгэн, не даст разрешения, я не могу отправиться в путь. Дункан взял с меня слово, что я не слушаюсь его наставника-черноризца.

— Я должна покинуть Данноттар?! — в возгласе Джессики прозвучал неприкрытый страх. Как же она найдёт манускрипт и вернётся в своё время?!

— Неожиданное решение Дункана! — опередил с ироничным ответом Ричард, перебивая Локсли. — Вероятно, только вы поддались чарам супруга! А он остался безжалостным к вам — отправка жены в своё змеиное логово! Разве не чудная месть изначально отвергнутого жениха?!

— Ричард! Ты видишь во всём бесчеловечность и лиходейство! — возмутился Локсли, не отрывая ласкового взора от Джессики. — Совсем наоборот, леди Равенна! Да это решение неожиданное, но с благими помыслами, я уверен! И хотя он не успел никому их высказать, зная его натуру, готов ручаться, что всё это — на пользу вашему положению. — он перевёл осуждающий взгляд на Маккоула-младшего. — Осмелюсь предположить: не опасается ли он неосознанно твоего пагубного соседства с его женой, Ричард?

— Я поняла... — задумчиво начала Джессика, — Как только вам станет лучше, Морай Локсли, мы отбываем в родовую крепость Дункана Маккоула. А в голове гудел рой мыслей: «Воистину, кто-то или что-то лишает меня даже возможности найти книгу заклинаний! Я пленница заклятия! Мне нужно запастись самообладанием и выдержкой! Скинуть эти магические оковы любой ценой!»

Глава 13. Бремя заклинания

Спустя месяц после отъезда Дункана Джессика и Морай Локсли в числе небольшой кавалькады всадников покинули Данноттар. Они не спеша направлялись в Крейгмиллар: среди них были и женщины, и мужчины.

Следовали они несколько дней пока наконец не достигли земель Маккоулов. Уставшие путники облегчённо выдохнули — впереди, сквозь пелену тумана, начали проступать очертания крепости.

Туман, густой и таинственный, окутывал Крейгмиллар, словно пряча замок от Джессики. Она смотрела вперёд с тревогой.

Джессика почти не замечала дороги — мысли её были заняты другим.

Как же трудно было жить все это время в Данноттаре! Непривычный средневековый колорит, общество Ричарда, вызывающее неприязнь и отвращение, непрестанные и безуспешные попытки выяснить что-либо о похитителе магического манускрипта из тайника часовни...

Джессика только начала привыкать к обстановке Данноттара, когда получила известие от старца-проводника. Он всё ещё укрывался, опасаясь наказания за помощь в её побеге, и сообщил, где находится. Поскольку старик поведал ей о предсказаниях волхвов, он подарил надежду на то, что завеса тайны над магическим перемещением во времени когда-нибудь спадет. Нормина, оправившись после пыток, обещала связаться со старцем по имени Сеок и устроить Джессике тайную встречу.

Но последнее событие в Данноттаре так и не позволило им встретиться.

Джессика почти сразу после отъезда Дункана взяла привычку часто бывать на кухне — самом людном месте замка. Там много собиралось люда: кто-то, чтобы передать вести из деревни, кто-то — посплетничать, а кто-то — просто перехватить кусок-другой чего-то съестного (если повезет, что-нибудь вкусненького с хозяйского стола).

Джесс надеялась таким образом поскорее разузнать что-либо о волнующей её пропаже. Держалась она с людьми просто, была добра, весела и любознательна — чем сразу очаровала прислугу замка. Сама без умолку рассказывала что-то интересное, новое для средневекового ума, по её словам «почерпнутое из заморских книг». Ей хотелось донести хоть чуточку света цивилизации в этот тёмный век.

Однажды Джессика зашла рано утром в повárню. Как всегда там слышались говор, смех, звяканье кухонной утвари, шипенье и бульканье ароматных кушаний в печах. Одна из кухарок с юной помощницей оживлённо обсуждали сплетни о пропавшей накануне дворовой девушке. Все знали: уже неделю её семья не находила покоя от горя. Жители замка и деревни, неравнодушные к чужой беде, тайно от Ричарда организовали поиски, поскольку он, проявив полное безразличие, запретил тратить время на поиски «ветреной девицы». Он лишний раз подтвердил, что является жестокосердным и хладнокровным господином.

— Леди, вы сегодня очень рано покинули свои покои! — заметила добродушная старшая кухарка, Слейн. — Вам нездоровится? Вы что-то бледны! — вдруг с беспокойством добавила она, бросая своё занятие и предлагая Джесс присесть на стоящий рядом табурет.

— Да, Слейн! И как на зло, я отпустила с ночевой Нормину в деревню к родне. Обычно приводят меня сюда, в кухню, соблазняющие ароматы, но сегодня мне совсем не хочется есть — напротив, моё нутро словно бунтует при мысли о еде. Мне почему-то вдруг страшно стало оставаться одной в комнате. Я не знала, куда мне податься, и решила искать здесь утешения и забвения от своего недуга.

Кухарка несколько странно посмотрела на Джесс, и сказала:

— О, следует позвать Иэгэна, леди! Правда, я слышала, что он получил тайные распоряжения от сэра Локсли ещё с вечера и тот сразу кинулся их исполнять. С тех пор его никто не видел — он словно канул в воду. А с утра Морай Локсли приказал собрать провизию для всех в дорогу к Крейгмиллару.

— Как уже?! — разочарованно удивилась Джессика.

— Вчера сэр Ричард и Морай Локсли повздорили поздно вечером! Слава Богу, вы уже почивали и не могли слышать потоков брани! — чуть тише произнесла Слейн.

— Какова же была причина?! — попыталась дознаться Джессика, догадываясь, что слуги часто становятся невольными свидетелями «излишних» для их внимания сцен хозяев. А слухи разносятся с быстротой молнии в любом многолюдном месте.

Видно было, что кухарка разрывается между желанием что-то поведать госпоже и страхом взболтнуть лишнее. Первое чувство победно взяло верх: Слейн заговорщицки под села ближе к Джессике и начала свой рассказ:

— Сэр Локсли проследил, куда верхом держал путь во вчерашних сумерках Маккоул-младший. Он следовал за ним до самых гор у восточного побережья. Там, возле пещеры, ему пришлось приостановить слежку и остаться в засаде. Когда Ричард покинул неприметный грот, сэр Локсли исследовал ущелье и был поражен открывшейся тайной. Оказалось, сэр Ричард держал там пропавшую девушку. Он измывался как хотел над горемычной всё это время!

— Откуда ты знаешь все эти подробности, Слейн? — изумилась Джессика, словно не веря её словам и в то же время пытаясь справиться с дрожью, охватившей её от рассказа.

— Да ведь мой муж сопровождал сэра Локсли в сумерках! Он и поведал мне обо всём — не удержался!

Джессика широко раскрыла глаза, вскочила и зажала рот рукой, сдерживая рвотный позыв. Кухарочка быстро сориентировалась и успела подставить ей первую попавшуюся под руки посудину, затем помогла вытереться, а Джесс лишь виновато взглянула на неё в знак благодарности.

— О Господи! Что же это за человек? Бедная девушка! Что же теперь будет с ней? И неужели это сойдет с рук Ричарду Маккоулу? — Джессика с надеждой смотрела на Слейн: неужели она не успокоит её, не скажет, что это не может остаться безнаказанным?

— С девушкой? Морай Локсли распорядился, чтобы мой муж перепрятал её в укромное место, а Иэгэна попросил осмотреть жертву и помочь ей прийти в себя. А Ричарду Маккоулу... ему гореть в аду! — с жаром ответила кухарка и набожно перекрестилась.

— Я должна видеть Морая Локсли! Помогите мне найти его, Слейн! — душевно попросила Джессика.

— Он, вероятно, в конюшнях. Проверяет, как седлают лошадей. Но, леди, вам бы следовало прийти в себя! Вы больны! Или... — она не договорила, перевела взгляд на живот Джессики и загадочно улыбнулась. Но Джесс не поняла намёка. — Или на вас снизошла милость Божья? — уточнила женщина.

Джесс свела брови, и вдруг в её глазах стало расти осознание возможного чуда — зарождение новой жизни в её утробе. Милость Божья — так назвала это Слейн. Наверное, с кухаркой можно согласиться, если дитя от любимого человека, но в её случае... «Ребёнок! Плод немыслимого заклания! Плод единственной ночи! Мой ребёнок... и Дункана Маккоула — рыцаря Средневековья! О небеса! Что же это — милость Божья или ваша кара?»

Глава 14. Любопытство – великая вещь!

Лошади путников устали брести по дороге в непроглядном тумане. Факелы почти не рассеивали тьму. Спутники Джессики молчали — все хотели поскорее добраться до Крейгмиллара и отдохнуть в его стенах.

Вместе с Локсли и «леди Равенной» ехали Иэгэн, Нормина — верная своей госпоже, несколько слуг, которым было велено лишь сопровождать кавалькаду до Крейгмиллара и вернуться в Данноттар, а также девушка, спасённая от истязаний Ричарда.

Джесс всю дорогу поглядывала на эту молчаливую бедолажку. Бренна была чертовски красива — такими лицами мастера пишут мадонн на иконах: светлая, прозрачная кожа, тяжёлая коса, от которой невозможно отвести взгляд. И при этом — какая-то неестественная неподвижность, словно кукла, которую забыли завести. Джессика знала, что за этой красотой стоит кошмар, который пережила девушка, и сама удивлялась, как такие люди не ломаются вовсе. Именно она уговорила Морая Локсли взять девушку с собой, чтобы спасти ее от Ричарда и от кривых толков данноттарцев. Может быть, в Крейгмилларе Бренна быстрее придет в себя. Джесс попросила спутников никому не говорить о том, что случилось с несчастной. Дать ей возможность начать жизнь заново — без оглядки на прошлое.

Джессика так и не сказала Ричарду, что стало с Бренной. Пусть тешит себя мыслью, что добыча ускользнула сама собой — не его рук дело. Она помнила тот последний день в Данноттаре: Ричард метался по замку, как зверь в клетке — опрокидывал столы, срывал со стен гобелены, выкрикивал проклятия в пустоту. Его бешенство было почти осязаемым, и Джессика, прячась за колонной, чувствовала, как воздух густеет от его ярости. Как можно испытывать такую страсть, быть настолько одержимым своими низменными желаниями? Джессика поймала себя на том, что её охватывает странное чувство — почти жалость. Что должно случиться с человеком, чтобы он превратился в такое чудовище? Возможно, он просто тронулся умом. Или, может быть, в нём никогда не было ничего человеческого — только пустота, которую он пытался заполнить чужой болью. Рано или поздно такая одержимость сжигает человека дотла. Будет ли Ричард исключением?

Локсли сдержал слово. Ричард так и не узнал, где его жертва, — а муж кухарки Слейн, рискуя головой, вывел Бренну из Данноттара и передал её в руки путников уже далеко за пределами замка.

Бренна так и не проронила ни слова за весь путь. Иногда Джессике казалось, что девушка вообще не слышит их — так глубоко она ушла в себя. Но на коротких привалах, когда Джессика или Нормина садились рядом и тихо, будто боясь спугнуть, заговаривали с ней, Бренна поднимала глаза. В этом взгляде читалась благодарность — безмолвная, но такая искренняя, что у Джессики сжималось сердце. Слова были бессильны, но глаза говорили: «Я здесь. Я чувствую. Спасибо».

Иэгэн правил их маленьким караваном, как опытный вожак. Он не советовался — он решал: когда трогаться, где делать привал, сколько отдыхать. И никто не смел перечить. Лекарь, старший, единственный, кому доверяли все без исключения — его слово было законом.

Путь был неторопливым — рана Локсли ещё не зажила, а Бренна была так сломлена, что любая тряска могла её доконать. Иэгэн знал: торопить таких людей нельзя. Лучше потерять день, чем потерять кого-то из них.

Но главная причина медленного пути была известна лишь Иэгэну и Нормине. Равенна носила под сердцем дитя Дункана, и монах, узнав эту новость первым, не скрывал гордости. Он украдкой бросал взгляд на её ещё плоский живот, и в его глазах теплилась та же радость, с какой он когда-то встречал рождение самого Дункана.

Слейн, кухарка, не удержалась — шепнула черноризцу о своих догадках. Иэгэн, услышав это, замер на миг, а потом в его глазах вспыхнула такая радость, будто ему сообщили о скором пришествии Мессии. Он тут же предложил Джессике свою помощь — отвары, примочки, всё, что могло облегчить путь.

Джессика согласилась, но поставила условие: никто не должен знать о её положении, пока она сама не решит. Она видела, как загорелись глаза монаха, — и поняла: это её козырь. Она воспользовалась его отеческой радостью, и совесть тут же кольнула её. Но выбора не было.

Она не знала, что ждёт её в этом диком, варварском времени. Сможет ли она выносить ребёнка? Сможет ли защитить его? А если она всё-таки найдёт путь домой — он должен быть с ней. Она не позволит Дункану или кому-либо ещё отнять у неё это дитя. Даже если для этого придётся забыть о совести.

Лошадь Джесс вдруг захромала, и Джессика, поморщившись от резкой боли в пояснице, придержала поводья. Каждый шаг уводил её всё дальше от книги заклинаний — единственной ниточки, что связывала её с домом. А впереди была только неизвестность, от которой холодело внутри. Она переборола страх езды верхом, но страх ли это был главным? Она боялась не за себя. Каждый толчок отдавался внизу живота, и она с ужасом думала: «А что, если я уже навредила малышу?»

Джессика не успела и рта раскрыть, чтобы пожаловаться на лошадь. Вечернюю тишину разорвал топот — множество копыт били по земле, приближаясь с каждой секундой. Голоса незнакомцев становились всё явственнее, а кони — всё тревожнее. Потом в тумане заплясали огоньки факелов — сначала робко, потом всё ярче, всё ближе, выписывая в воздухе причудливые круги.

Люди вокруг Джессики замерли. Кто-то невольно схватился за меч, кто-то придержал коня, всматриваясь в туман. Волнение передавалось от одного к другому, как огонь по сухой траве.

Локсли первым понял: опасность близко. Он резко вскинул руку — и мужчины, не говоря ни слова, сомкнули кольцо вокруг женщин.

— Накиньте капюшоны, дамы! — еле слышно скомандовал он.

Джессика видела, как Морай выехал вперёд, привычным движением поправляя колчан и клинок — и её сердце забилося быстрее. Остальные мужчины повторили за ним, словно эхо: сначала один, потом другой, третий...

Один Иэгэн не коснулся оружия — у него его и не было. Он стоял неподвижно, но его губы шевелились, и Джессика догадалась: он молится. Для него это было оружием посильнее любого меча.

Их догнали. Шестеро всадников — вооруженных до зубов, с хищным прищуром — вынырнули из тумана и прижали кавалькаду Джессики к дороге. Они не торопились — сидели в седлах с ленивой уверенностью, словно выехали на прогулку, а не на перехват. Их кони под ними гарцевали, пританцовывая, будто чуяли: хозяевам хочется схватки..

— Ну-ка, парни, кто тут у нас? — раздался насмешливый голос. Самый резвый из всадников придвинул факел ближе к лицу Морая, будто рассматривая диковинку. — Да никак, Локсли собственной персоной?

Морай не дрогнул. Он слегка склонил голову — с той изысканной учтивостью, которая оскорбляет сильнее, чем откровенное хамство:

— Шериф Суонстонский! Какая честь для нас. Ваш визит, как всегда, неожиданный.

— Наслышан о твоём чаемом приезде и «миссии», возложенной на тебя Дунканом Мак-коулом. Только что с Крейгмиллара! Но не думал, что мне так повезет — увидеть тебя уже сегодня!

— Всё пополняешь казну? Каков навар? Ты, я смотрю, не даешь передышки подопечным землям! — попытался увести разговор в сторону Морай.

– Не дерзи, Локсли, а то следующая талья будет с твоей крепости! – возмутился шериф.

– Пользуешься случаем, пока главы клана на сборах? – не унимался Морай.

– За что бы вас там содержал Вильгельм, скажи на милость? Я исправно отношусь к своим обязанностям, – попытался оправдаться шериф. – Кстати, как же случилось, что ты ещё не в строю?

– Не смог покинуть Суонстон, не простившись с тобой! – парировал Морай.

– Лестно, Локсли, но ты что-то темнишь. Говорят, наследница Гордона – жемчужиной Абердина. Не зря же старик держал её под замком. И сам Дункан, говорят, совсем голову потерял. Правда?

– Шериф, вы забываетесь. Здесь леди, – голос Локсли стал тише, а пальцы сами легли на рукоять меча.

– Тихо, тихо, Локсли! Я буду паинькой. – шериф тут же изобразил послушание и галантно поклонился Джессике, с лёгкостью угадав в ней ту самую «жемчужину». – Непременно навещу Крейгмиллар с официальным визитом. Не могу лишиться себя такого удовольствия! – он выпрямился и, повернувшись к Мораю, добавил с усмешкой: – Прибуду со всеми почестями к новой госпоже крепости Маккоулов! Как же они уживутся с Маргарет?! – расхохотался напоследок шериф, разворачивая коня, словно актёр, завершающий сцену.

Джессика не уловила язвительного намёка о Маргарет — она не знала, кто эта женщина и почему её имя так задело Локсли. Но напряжение между мужчинами чувствовалось кожей.

Она поняла: если она сейчас не скажет что-то, этот разговор закончится плохо. Что она могла сделать? Только одно — вступить в игру.

Джессика глубоко вздохнула, выпрямилась в седле и сказала с той лёгкой улыбкой, которая давалась ей с трудом:

– Милости прошу в Крейгмиллар, шериф, в любое время. Уверена, мой муж будет рад такому гостю. И я тоже. – она сделала паузу, позволяя своим словам осесть в воздухе. – Не будем же нарушать традиции гостеприимства.

Джессика встретила взгляд шерифа и улыбнулась — той улыбкой, которую, как она знала, мужчины редко забывают.

Она заметила, как шериф на миг прищурился, разглядывая её, а потом уголок его губ дрогнул в усмешке. Похоже, она его зацепила. Морай, стоявший рядом, коротко глянул на неё — в его взгляде мелькнуло удивление и что-то похожее на одобрение.

— Ну что ж, леди! Любезность за любезность! — в голосе шерифа исчезла прежняя насмешка. — Я не только отдам обещанный визит, но и буду счастлив сопровождать вас до самых ворот Крейгмиллара. Ночь нынче тёмная, мало ли кто забредёт на дорогу... Если, конечно, вы не против, леди Равенна.

– Не стоит, шериф. Леди Равенна устала с дороги, а вы предлагаете ей новые знакомства. Запаситесь терпением и воспользуйтесь её приглашением позже — со всеми почестями, которые положены доверенному лицу его величества. Ведь вы, шериф, чтите королевскую службу превыше всего, не так ли? – Морай сделал паузу, давая словам осесть. – К тому же мы оба знаем, что до Крейгмиллара — рукой подать. Дорога безопасна, а если нет — я всегда при оружии, и стрелы у меня наточены. Так что можете не волноваться.

– Тогда разрешите откланяться и пожелать вам спокойного остатка пути! – шериф нехотя обогнул кавалькаду Локсли — но перед тем как скрыться в темноте, бросил последний взгляд на Джессику, на ту часть её лица, что не скрывал капюшон. Любопытство – великая вещь!

Глава 15. Вдовье проклятье

Весь остаток пути Джессику не покидало странное чувство — будто кто-то впился в её спину взглядом и не отпускал. Она то и дело оглядывалась, но за пеленой тумана нельзя было разглядеть даже собственных спутников. Хромую лошадь пришлось сменить — одна из запасных, которых Локсли предусмотрительно вёл на привязи, уже ждала седока. Джессика перебралась на неё с облегчением: свежий конь шёл ровнее, но ощущение чужого внимания никуда не исчезло.

Костры на башнях Крейгмиллара прорезали туманную мглу — и однообразный пейзаж Суонстона наконец ожил. Замок вырос перед ними огромный, тёмный, словно сама скала, на которой он стоял. Джессика поёжилась: в его молчании было что-то пугающее.

Массивный цепной мост через ров был поднят. Сигнальные огни на стенах давно горели — их заметили, но не спешили встречать. Факелы в руках путников полыхали ярко, выдавая их присутствие за версту.

Локсли поднял голову к стене и крикнул охраннику своё имя:

— Доложи хозяевам! Мы прибыли!

Сигнальщики сработали быстро — огни на башнях замигали в ответ. Но хозяева, а точнее хозяйки, не спешили. Прошло пять минут, десять. Локсли скрипнул зубами. Джессика плотнее запахнула плащ: ночной ветер пробирал до костей.

Наконец — словно очнувшись ото сна — замок ожил. Скрежет цепей разорвал тишину, и массивный мост медленно пополз вниз, с глухим ударом коснувшись земли. Путь был открыт.

Шумная вереница слуг высыпала во двор — кто-то уже спешил к лошадям, кто-то почтительно замер, глядя на гостью. Джессика поняла: они знают, кто она. «Новая хозяйка» — так сказал один из них, и это слово прозвучало странно.

Локсли подал ей руку, помогая спешиться, и, не отпуская, повёл к замку. Джессика ступила на землю Крейгмиллара, чувствуя, как ноги дрожат после долгой дороги.

На каменных ступенях замка их уже ждали. Джессика разглядела две неподвижные женские фигуры — обе в богатых нарядах, обе молодые, но такие разные.

Одна, пухленькая и румяная, улыбалась так открыто, что в ней сразу угадывалась доброта. Родовые черты Маккоулов проступали в каждой линии её лица — те же скулы, тот же разрез глаз.

Вторая напоминала мраморную статую — безупречная, холодная, с идеальными чертами, в которых не было жизни. Она смотрела на Джессику так, будто оценивала товар на рынке.

Джессика невольно выпрямилась. Ей показалось, что холодная красавица уже вынесла свой приговор.

— Добро пожаловать! — Лилиас шагнула вперёд с такой тёплой улыбкой, что Джессика невольно улыбнулась в ответ. Маргарет лишь безэмоционально кивнула, не проронив ни слова.

Локсли кашлянул, поправляя перевязь на плече, и шагнул между ними.

— Лилиас, Маргарет! Позвольте представить вам леди Равенну.

— Лилиас, — девушка присела в лёгком реверансе, — сестра Маккоулов. И, надеюсь, теперь и ваша.

Маргарет молчала. Её молчание было громче любых слов.

— А это Маргарет! Незаменимый человек в Крейгмилларе! Вы поймете это, когда пройдёте коридорами и залами замка, посетите прилегающие уголья крепости и посмотрите на жизнь обитателей её деревни. Хотел бы я видеть такую же хозяйку в своей крепости! — попытался смягчить ситуацию Локсли.

Маргарет подняла бровь и холодно поправила его, не сводя глаз с Джессики:

– Вдова Фергуса Маккоула. Отца Дункана, Ричарда и Лилиас.

«Воинственная натура! Взгляд способен заморозить! — подумала Джессика. — Такая будет до последнего держаться за власть в этом замке. Надо дать ей понять, что я не претендую на её место. Возможно, тогда она перестанет видеть во мне врага. Вряд ли это поможет, но попытаться стоит».

– Я уже обратила внимание на гостеприимство обитателей крепости, чистоту двора, опрятность слуг. Очень приятно оказаться в месте, где царит порядок и гармония. Надеюсь, Крейгмиллар ещё долго не лишится таких заботливых рук образцовой хозяйки!

Её слова прозвучали так искренне, что Маргарет на мгновение растерялась. Но в её глазах мелькнул холодный, оценивающий блеск.

«Хитра! — мысль обжигала Маргарет, как удар хлыста. — Угрожающе мила. Надо быть с ней начеку. Поглядим, как запоешь ты, когда узнаешь о нас с Дунканом. Не жди счастья, разлучница. Не бывать этому. Он мой. Только мой! Будь проклята, Равенна Маккоул, если тебе удастся тронуть его сердце!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.